

Игорь ПРОНИН

СВИДЕТЕЛИ

КРЫСОВА

Игорь Евгеньевич Пронин Свидетели Крысолова

OCR Фензин

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=122433

Пронин И. Свидетели Крысолова: Азбука-классика; 2004

ISBN 5-352-01000-7

Аннотация

Москва, XXII век. Сухой и чистый, единый, вымирающий мир. Умеренная политкорректность, во главе угла правило: «Живи сам и не мешай жить другим». Отсутствие идей, отсутствие заблуждений. Принудительное деторождение, возможно, тихое клонирование. Никому, в общем-то, ничего не надо. Главная героиня Наташа Данилова, капитан-оперативник Седьмого Особого отдела, ненавидит «крыс», как по привычке именуются асоциальные элементы. Тем более что «крысы» нового поколения отнюдь не безобидные бомжи, а новая раса людей, мутанты, наделенные сверхспособностями, но совершенно невосприимчивые к человеческой культуре, в которой и не нуждаются. Человечество, само того не зная, оказывается под угрозой гибели: «крыс» не остановят ни облавы, ни глухой кордон вокруг города.

И тогда приходит Крысолов...

Содержание

«ФАНТАСТИКА – КЛАССНЫЙ ЖАНР»	4
ПРОЛОГ	6
ГЛАВА ПЕРВАЯ	13
ГЛАВА ВТОРАЯ	38
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Игорь ПРОНИН

СВИДЕТЕЛИ КРЫСОЛОВА

И тогда приходит Крысолов...

«ФАНТАСТИКА – КЛАССНЫЙ ЖАНР»

... А еще говорят, что летом 1284 года в немецком городке Гаммельне расплодились во множестве крысы, и стало их так изобильно, что куда ни пойдешь – на крысу наткнешься, так что лучше и вовсе никуда не ходить.

Убоялись коты, а вслед за тем убоялись люди: ни молебны не помогали, ни амулеты охранительные. И было объявлено повсюду: «Кто избавит славный город Гаммельн от крыс, получит от магистрата столько золота, сколько сможет унести!»

И тогда нашелся бродячий музыкант, который сказал, что может известить крыс:

«Певец, любимый повсеместно, Я крысолов весьма известный, И в этом городе с моим Искусством впрямь необходим. Хоть крыс тут водится дай Боже, – Да и хорьков как будто тоже, – Мне стоит только заиграть, И вам их больше не видать...»

Заиграл Крысолов на волшебной дудочке, и пошли за ним крысы, как сонные или будто в помрачении. Все до единой вышли за пределы города. Но обещанной платы за работу славный музыкант не получил. И тогда на следующую ночь он заиграл снова, и увел из города детей...

В конце восьмидесятых годов прошлого века в одной из столичных газет появилась сенсационная статья о гигантских крысах-мутантах, оккупировавших тоннели московского метро. По сообщениям очевидцев, эти крысы были больше похожи на собак: около семи-десяти сантиметров в холке и почти метр в длину, с зубами, что запросто перегрызают стальные прутья. Обнаружили крыс случайно: один из диггеров, любителей подземных прогулок, в очередном своем путешествии по подземке столкнулся с крысой-убийцей нос к носу. Результатом братской встречи стали кровавые останки незадачливого путешественника, ранним утром обнаруженные обходчиками в тоннеле. Результатом публикации статьи стала паника среди москвичей.

Страх перед крысами – древний страх. В Средние века вслед за крысами в город приходила чума, и потому крысы считались вестниками беды и смерти.

Умножившееся поголовье крыс и в нынешние времена вызывает ужас: не бывает так, чтобы эти твари расплодились бесцельно. Крысы живут везде, где есть люди. Крысы хотят жить там, где живут люди. Но крысы могут захотеть жить не вместе, а вместо людей.

Что нас пугает в этих животных? Что мы о них знаем?

Плодятся и размножаются они так, что человеку и не снилось: самка может приносить от пяти до десяти приплодов в год и в каждом приплоде от четырех до двенадцати крысят. Крысы приспособляются к любым природным и техногенным условиям (способны выжить даже после ядерной катастрофы!), устойчивы почти к любой отраве, успешно избегают ловушек, всеядны (уничтожают пластмассу, способны прогрызть даже бетон!).

А еще крысиное сообщество на редкость сплоченное и славится взаимопомощью между особями. Встречаются среди них особи-камикадзе, сознательно жертвующие собой ради общего блага: они пробуют на зуб любой незнакомый продукт. Итог пробования – положительный или отрицательный – сохраняется в коллективной памяти нескольких крысиных поколений.

Кажется, сказанного достаточно, чтобы испугаться за прекрасный будущий мир, в котором главным биологическим видом вдруг станет крыса. Ведь способность этого вида к выживанию по меньшей мере равна человеческой или даже превосходит ее. Однако человек выживает с помощью созданных им устройств и механизмов, и если их отнять, то трудно предсказать, что станет с людьми. Зато крыса выживет почти во всякой ситуации. И мало того: размножится, населит землю.

Так что нас ждет – крысиный социум или человеческий?

В современных городах-мегаполисах жизненного пространства для крыс более чем достаточно, начиная от мусоропроводов и свалок, заканчивая складскими территориями заводов и фабрик.

Но не так страшно на земле, как под землей: бесконечное увеличение различных подземных коммуникаций (метро, канализация, линии связи) не позволяет человеку контролировать процессы, происходящие в глубинах. И вот однажды, из глубин...

Роман Игоря Пронина «Свидетели Крысолова» – роман-предупреждение, роман-катастрофа: в Москве будущего, которая по всем параметрам переросла понятие «город», не хватает людских ресурсов. Обслужить и обиходить такое огромное пространство – некому, и потому целые районы забыты и заброшены, о чем обычные жители даже не догадываются. Там, где люди еще живут, чисто, сухо, покойно, одна беда: город стремительно стареет и рождаемость в нем почти никакая.

Но нет территории без хозяина: там, откуда ушли люди, появляются крысы. Так по привычке называют бомжей, живущих в подземелье. Но новые крысы куда больше отвечают этому названию, они плодятся подобно животным, они столь же агрессивны, и их движение к поверхности не остановить. Наступило время последней войны: «крысы» готовятся выйти из глубин, чтобы стать единственными обитателями города.

Мэрия Москвы не справляется с ситуацией, равно как и магистрат средневекового Гаммельна. И вновь неведомо откуда приходит Крысолов, и назначает плату, и не получает ее, и УВОДИТ из города детей.

Но крысы и дети в романе Пронина совсем другие и – другое, нежели в средневековой немецкой легенде. Одно объединяет эти столь разные истории – фигура Крысолова.

Рассказывая историю гаммельнского крысолова, никто обычно не задается вопросом, откуда он пришел и кто был на самом деле. Был ли это обыкновенный странствующий менестрель, был ли это маг или же к людям пришло существо демоническое? И куда увел детей?

Игорь Пронин отвечает на эти вопросы, но понравятся ли такие ответы?

Игорь Пронин родился в 1968 в Москве. Первые его произведения, написанные на перфокартах сине-красным карандашом, не сохранились.

Пишет много и разное, но всегда – хорошо и необычно.

Автор душевной повести «Мао», номинированной на АБС-премию, книги, во всех отношениях незаурядной.

О себе говорит так: «Пишу все подряд, но получается одна фантастика. Такова особенность моего яркого дарования: возьмусь описывать „жигули“ – их никто не узнает. Приходится потом править на „звездолет“, и тогда всем сразу все понятно. Фантастика – классный жанр».

Ольга Трофимова

ПРОЛОГ

Через уцелевшие камеры внешнего обзора Дмитрий видел, как автоматчики приблизились ко входу и начали укладывать заряд. Он покосился на Раису, но та с ожесточением продолжала лупить по клавиатуре.

– Бесполезно, – негромко сказал лейтенант. Раиса не ответила. И точно так же не отвечала ей мэрия, молчало Управление, никто не хотел говорить с осажденной Башенкой. Дмитрий встал, подтянул к себе тело Таги-заде. У подполковника теперь не было головы, но он все еще продолжал сжимать окостеневшими пальцами белое полотенце.

– Рая, перестань. Приказ на нашу ликвидацию пришел с самого верха, никто не поможет.

– Так что теперь, из окна прыгать?! – вскинулась Раиса.

– Не успеем, сразу срежут пулеметами.

Одного не мог понять Дмитрий: почему не зашвыряли гранатами? Башенка строилась не для отражения штурмов, почти все помещения имели широкие окна, теперь разбитые в получасовой перестрелке.

– Кто-нибудь еще жив?

– Нет, только мы.

Она быстро взяла себя в руки, подполковник Раиса Насырова. Начальник Седьмого Особого отдела, в течение пары часов полностью переставшего существовать.

– Связь работает. Но никто не отзывается. Никто...

– Может быть, кто-нибудь ушел?

– Нет.

Раиса сказала это так убежденно, что Дмитрий поверил. Атаковали Башенку без предупреждения, никто даже не понял, кто именно открыл огонь. Полицейские кинулись к окнам, надеясь что-то изменить своими «рокотами», но тут ударили пулеметы, со всех сторон. Лейтенант представил себе, как очереди прошивали высокое тонкое здание насквозь, как летело стекло и осколки бетона... Со всех сторон Башенку подсвечивают десятки прожекторов, они постоянно мигают, не позволяя прицелиться в исчезающие слепящие пятна. Наверное, очень красиво. Во всем квартале выключен свет, а вот чуть дальше Москва живет обычной жизнью. Что подумают жители, услышав пальбу?

На экране массивная дверь разлетелась в куски, автоматчики открыли беспорядочный огонь. С легким запозданием снизу долетел неясный гул, потом треск. Дмитрий хрустнул пальцами, прикидывая, кто бы это мог быть. Вряд ли НБ, уж очень неуверенно работают в городе. Скорее пригнали какую-нибудь флотскую команду или вообще обратились к жандармерии.

– Рая, соберись. У нас сейчас остается одна задача: выжить. Слышишь?

– Как? – Женщина обернулась, и Дмитрий увидел в ее глазах спокойную безнадежность.

Конечно, проще всего выскочить в коридор с пистолетом или вообще сделать два шага в сторону окна. Умирать всегда просто, если только прежде ты всю жизнь не играл в совершенно другую игру.

– Не вижу иного способа, как переодеться в форму атакующих и попытаться прорваться. Как в кино.

Насырова некоторое время смотрела на лейтенанта, потом ее губы исказила злая улыбка.

– Не смешно!

– Не смешно, – согласился Дмитрий. – И практически невыполнимо. Но другого способа выжить просто нет, так что придется воспользоваться этим.

– И ты готов попытаться убить кого-то из них, чтобы спастись?!

– Конечно.

Как странно... Этой женщине осталось жить несколько минут, она даже не понимает, за что ее убьют. Но стрелять в своих – нельзя... Как местной полиции еще удастся поддерживать порядок? Не иначе, преступность совершенно выродилась. И ведь это лучшие – Седьмой Особый отдел, созданный именно для того, чтобы стрелять, но в чужих, в нелюдей, в убийц. А тут простые симпатичные парни в черной униформе и масках.

– Но ребята ни в чем не виноваты! – выкрикнула Насырова. – Они просто выполняют приказ!

– Они просто хотят убить нас.

– Ты мог бы оказаться на их месте!

– Нет. – Дмитрий покачал головой, одновременно пробуя остроту большого перочинного ножа, обнаруженного в кармане Таги-заде. – Я работаю в другой структуре.

– Отработался! – отрезала Раиса. – Все. Скорее всего, и твоей «структуры» больше нет.

– Возможно, – неохотно признал лейтенант. – Но сейчас не время это обсуждать. Верно ли я понимаю, что ты не собираешься ничего предпринимать?

Насырова опустила голову, в задумчивости еще несколько раз нажала кнопки, потом с силой оттолкнула от себя клавиатуру.

– Если они будут стрелять в меня, когда я подниму руки, то пускай убивают. Как всех наших...

– А все были здесь? Точно?

– Точно, я же сказала. Все, кроме Даниловой... Тофик объявил военное положение, общий сбор. В отпусках никого, даже трое больных приехали.

– Жаль...

Дмитрий потянулся было к диску, лежавшему на столе, но остановил себя. Ни к чему, сейчас надо просто выжить. От полученной в Башенке информации нет никакого толку, не шантажировать же ей мэрию? Верная смерть и большая глупость – пытаться напугать информацией тех, кто убивает полицейских целыми отделами посреди города. Надо, как и всегда, выжить и только потом думать.

– Я уйду.

Раиса не ответила, она сидела, уткнувшись лбом в сложенные на столе руки. Лейтенант перекатился к двери, стараясь не пораниться об осколки стекла. «Стоило бы убить ее, чтобы не выдала... Но вряд ли штурмующие дадут ей возможность говорить. Интересно, чего же они так боятся?» Дмитрий прополз по коридору к внутренней пожарной лестнице, спустился на несколько пролетов. Трупы, всюду трупы. Большой был отдел.

Снизу уже отчетливо доносились покрикивания автоматчиков. Да, похоже, это действительно моряки – они самые горластые. Наверняка почти все первый раз в деле – и сразу в таком крупном, и сразу против не ожидавшей атаки полиции. О чем они думают? Скорее всего, вообще ни о чем, не зря же им несколько лет дубили затылки.

Надаться можно было только на неопытность штурмовиков в подобных акциях. Спрятаться, дождаться выстрелов сверху, потом доклада о выходе на крышу и полном захвате Башенки. После этого все неминуемо расслабится и дадут Дмитрию единственный шанс спастись.

Один из мертвых полицейских был разорван очередью почти пополам. С помощью довольно острого ножа Таги-заде Дмитрий раскромсал труп: нижняя часть в одну сторону, верхняя – под стол, к столу привалить тело другого бедолаги. Самому втиснуться среди убитых, так, ноги спрятать под мертвого лейтенанта. Тут и пригодится обрубок тела... Примо-

стить его слева, вывалить себе на брюхо чужие кишки, вымазаться кровью и дерьмом. Если как следует испачкаться, то вряд ли кто-нибудь захочет проверить у него пульс... Разве что подтвердить пулей его отсутствие.

Уткнувшись лицом в чей-то мертвый бок, Дмитрий приготовился ждать. Он ни о чем не думал, лишь отсчитывал про себя от тысячи к нулю, чтобы успокоить непослушное сердце. Запах вокруг был на удивление мерзкий, и это тоже могло отпугнуть штурмовиков.

Время от времени снизу долетала пальба – так штурмующие отмечали вход на очередной этаж. Однако били очередями, не похоже на контрольные выстрелы. Неумехи. Здоровые, сильные, подвижные неумехи. А все дело в том, что никто и не хочет уметь... Грязная работа.

Пули откололи от стены крупные куски бетона, грохот едва не заставил вздрогнуть. Дмитрий услышал короткий разговор бойцов, но почти ничего не понял: они обменивались какими-то кодовыми словами. Стрельба наверху, топот. Еще немного, и подполковника Насыровой не станет.

– Не стреляйте! – Лейтенант с трудом узнал ее голос, ставший тонким, жалобным, к тому же искаженный эхом. – Пожалуйста, не стреляйте! Я не вооружена! Произошла...

– Седьмой! – быстро буркнул кто-то, и почти сразу же раздался хлопок.

Граната, догадался Дмитрий. Сейчас будет взрыв... На этот раз он даже не дернулся. По руке поползло какое-то насекомое. Наверное, муха. Когда успела залететь так высоко? Или внизу крови мало? Осталось еще немного, и начнется тот короткий промежуток времени, в который можно что-то успеть.

– Пол-отбоя!! – гаркнул чей-то хриплый голос спустя несколько секунд.

– Есть пол-отбоя!

– Третий-девятый!

– Есть третий-девятый!

Да, наверное, моряки – даже муха улетела от таких криков. Шаги удаляются, а вот скрип осколков под ботсами стал громче, это парень вышел на лестничную площадку. Интересно, работает ли лифт? Дмитрий чуть повернул голову: свет горит везде, где уцелели лампы. Никого. Он быстро сел, отодвинул чужую исковерканную плоть, бесшумно вскочил на ноги.

– Третий-девятый продолжать, двенадцатый готовь!!!

– Есть третий-девятый продолжа...

Знать бы, что означают эти команды. Оружие не собрали, и Дмитрий схватил валявшийся на полу полицейский «рокот», совершенно, впрочем, пока бесполезный. Выбирая место для каждого шага, лейтенант исхитрился бесшумно подойти к выбитой двери на пожарную лестницу, прислушался. Чье-то тяжелое дыхание, какое-то позвякивание снизу. Видимо, все вышли на площадки, находятся в прямой видимости и ждут другую команду, которая окончательно зачистит Башенку.

Дмитрий подавил желание сплюнуть. Да, ничего пока не выходит. Впрочем, и не должно было выйти, уж очень невелики были шансы на удачу с самого начала. Лестница перекрыта, лифт мгновенно будет остановлен и расстрелян. Снято ли наружное наблюдение? Определенно стрелкам дан приказ не палить по окнам, иначе они перебили бы штурмующих. Но не похож одетый в спортивный костюм лейтенант на закованный в черную кожу морской спецназ, даже маски нет.

И все же он подошел к ближайшему окну, высунулся по пояс, стараясь не задеть торчащих осколков толстого стекла. В Башенке примерно пятьдесят этажей, она вся светится, а вокруг озеро тьмы, окруженное, в свою очередь, морем огней города. На проспекте тихо, чего и следовало ожидать: движение перекрыли перед самым штурмом, тогда же в районе выключили электричество. Вниз убегает гладкая, ровная стена. Даже если бы никто не

мешал, перебираться от окна к окну с помощью штор – занятие до самого утра. А внизу огни фар, прибыли какие-то машины...

Дмитрий скорее ощутил легкую вибрацию, нежели услышал гул. Лифты! Кто-то поднимался с самого низа. Сейчас здание наводнят «зачисточные» команды, которые заберут трупы и технику. Что делать – лейтенант не знал и просто встал в угол, под разбитую лампу.

Ждать пришлось недолго, лифты сновали вверх-вниз, постепенно насыщая здание новыми людьми. Вот раздался хруст осколков, с лестницы вошел боец. Дмитрий легко мог представить, как тот, закинув автомат за спину, чуть прижимает клипсу индивидуальной связи к шее, – у всех спецназовцев почему-то такая привычка.

– Да, понял... Жду. Есть нулевка-три.

Почти бесшумно раскрылись двери лифта, но выступ ступени не позволил Дмитрию увидеть прибывших. Зато он сразу услышал их громкие деловые голоса:

– Веди отсчет дальше, Леша! Пока пятьдесят процентов, уже хорошо, в полчаса должны уложиться!

– Командование выше, но ты не жди, снимай сервер! Вынесем каждую железяку, а уж дома как-нибудь сложим...

«Где же ваш дом, ребята? Наверное, теперь это НБ. А может быть, и нет, в таком странном деле все возможно». Мелькнул серый комбинезон, один из прибывших зашел в комнату, задержался в дверях.

– Тел нет! Несколько приборов, начинаю выносить.

– Один справишься? Наклейки не забудь.

– Не учи...

Шаги стихли. Дмитрий, повинуясь инстинкту, шагнул из своего убежища, поднимая «рокот». Он увидел спину спецназовца, вернувшегося на лестницу. Больше никого. Из комнаты, ближайшей к нему, раздался грохот, кто-то смахнул со стола канцелярскую мелочь, но моряк даже не оглянулся. Проскользнув сквозь косо висящую, пробитую пулями дверь, Дмитрий оказался прямо за спиной человека в сером комбинезоне, деловито шлепающего наклейки на все, что могло бы вызвать малейший интерес его руководства. Сканеры, принтер, плеер, окруженный рассыпанными из коробки дисками...

Шлем, тоже серый, соединялся с толстым комбинезоном шарниром. Нехитрый механизм позволяет почти свободно крутить головой, зато гарантирует, что, пока ты в шлеме, шею тебе никто свернуть не сможет. Так бы оно и было, но лейтенант уже имел дело с подобной конструкцией. Он положил пистолет на мягкое кресло, опять достал нож убитого подполковника и быстро воткнул его под лопатку незнакомцу. Прежде чем тот, почувствовав несильный толчок, успел обернуться, Дмитрий сумел перерезать один из узких ремней, обеспечивающих комбинезону жесткость. Теперь оставалось только крепко ухватиться за хорошо подогнанный, застегнутый шлем и резко вывернуть голову врага влево.

Шарнир сопротивлялся, но сползал, потеряв опору, по спине. Человек уже не мог издать ни звука, не мог повернуться, прижатый лейтенантом к столу. Он попробовал дотянуться до кобуры, но Дмитрий рванул шлем на себя, и выкрученный позвоночник не выдержал.

Опять приехал лифт, лейтенант схватил «рокот» и повернулся к двери. Но поднявшиеся разошлись по другим комнатам, оттуда послышались голоса, тут же стали вытаскивать компьютеры. Дмитрий сорвал с уха мертвеца клипсу, прижал к шее. Короткие команды, чье-то пыхтение – пока никакой паники.

Не стараясь особенно соблюдать тишину, Дмитрий переоделся. Комбинезон оказался немного мал, из-за перерезанного ремня шлем съехал чуть набок, а серая маска пропахла чесноком, к тому же не подходила центровка окуляров. Однако грех жаловаться, и лейтенант, как мог, вколотил ноги в ботсы на два размера меньше, сгреб в руки оргтехнику, пристроил

сверху плеер. У лифтов все стихло, и, прислушавшись к своим ощущениям, Дмитрий наконец решился выйти.

Операция кончается, скоро Башенка будет полностью выпотрошена, и тогда спецназ снимут с постов и отправят на базу для обязательного осмотра и дезинфекции. Потом – самолет, который отнесет героев к месту постоянной дислокации, в какой-нибудь невзрачный приморский городок. О чем они будут говорить по дороге?

Лейтенант решительно вдавил кнопку лифта. Малосильный полицейский «рокот» остался лежать на кресле, в кобуре на поясе оказался «галкин», он же «каунт» – в зарубежном исполнении. Еще был нож, широкий, с бренчащей рукоятью, закреплен на голени. Вероятно, убитый принадлежал к техническим службам – странно, что таким вообще дают приличное оружие.

Кабина остановилась, за прозрачной дверью виднелись две фигуры, тоже нагруженные выносимой из здания аппаратурой.

Техники негромко переговаривались между собой, уже обсуждая архитектуру внутренней сети Башенки. Вообще-то полицейские Сети не являются закрытым массивом данных, Управление легко сможет войти и скачать всю информацию. Но подпустят ли к этому делу Управление? Дмитрий теперь сильно в этом сомневался.

– Девяносто шесть процентов, еще три с лишним неподтвержденных! – услышал он через клипсу чей-то доклад. – Некоторых так порубило пулеметами, что без экспертизы не разобраться.

– Был один гость, – сообщила женщина. – Сам очень им интересуется, найдите мне человека без полицейской карты.

– Так надо было каждого проверять! – расстроился ее собеседник. – А половину тел уже вынесли. Куда он шел?

– На самый верх. Я запросила видеозаписи, но там Ачикян, у него вечно все на тормозах. Пока просто проверь последние этажи, постарайся.

– Ладно... Муса куда-то делся. Муса! Ты не слышишь, что ли? Давай обратно наверх, дело у нас с тобой.

Пауза. Другие голоса продолжали звучать, но «индивидуалка» воспроизводила их гораздо тише. Значит, эти люди не относились напрямую к подразделению убитого. Дверь поползла наверх: седьмой этаж. Втиснулись еще двое, Дмитрий прижался к стене лифта, стараясь производить впечатление человека, полностью погруженного в размышления о добытом сканере.

– Муса!!! Рита, где этот идиот?!

– Подожди, Мишин, я на другой линии...

– Муса!!! Вот я сейчас тебя найду, и тогда мы без клипс поговорим.

Неумехи. Если бы сейчас этот разговор слышал хоть один разумный человек, то вся Башенка немедленно была бы заблокирована, лифты отключены. Но ничего не произошло, дверь снова поднялась. Первый этаж.

– Рита! Рита!

– Ну что ты раскричался, Мишин? Я же сказала, Сам хочет...

– Найди мне Мусу, Риточка, прошу!

– Ты без него хоть пописать сможешь, без Мусы своего? Сейчас... В холле на первом этаже твой Муса, скоро, наверное, поднимется. Да, лейтенант Салиев?

Тоже лейтенант, оказывается. Стараясь поменьше показывать окружающим свою порезанную спину, Дмитрий вместе с потоком людей вышел из Башенки, направился к ближайшему грузовику, чтобы отдать аппаратуру.

– Салиев! – Женский голос стал строгим, раздраженным. – Ты думаешь, у меня других дел нет? Мишин, он во дворе, у грузовиков. Сейчас поднимется, и ты ему дай по мозгам как следует, потому что завтра получишь сам. Выход на операцию с неисправной связью – это...

– Рита, Муса убит!!!

Вот и все, сейчас начнется паника. Дмитрий заметил ограждение, выставленное вокруг Башенки, а за ним каких-то людей в форме. Тихо все равно не уйти, а значит, все пока идет как по маслу. Как всегда.

– Салиев?.. Как это убит, он же внизу!

– Он лежит здесь, он мертвый, Рита! С него сняли шлем и клипсу, и... Скажи Самому!!

– Ты уверен, Мишин? Я докладываю, жди.

Дмитрий обошел огромный грузовик, на ходу вытаскивая пистолет. Между машинами стояли двое водителей. Заметив лейтенанта, суетливо отвернулись – наверняка курили на операции. Вот и хорошо. Два одиночных выстрела заставили смолкнуть приглушенный гомон, только в клипсе продолжали бубнить оставшиеся в Башенке техники. Толстые, многослойные комбинезоны могут помочь против полицейских «рокоотов», но «галкин» – славное оружие.

Оказавшись в кабине, Дмитрий тут же снес выстрелом коробку идентификатора. Вспыхнули десятки красных огоньков, но лейтенант уже выдирает два кабеля, соединяет напрямую провода. Нужно только три, черный и два красных...

– Тревога! – это спохватилась наконец-то Рита. – Всем оставаться на своих местах, готовность номер один! Убит лейтенант Муса Салиев, неизвестный переоделся в его комбинезон! Он у второй от ворот машины! Всем, кто видит преступника...

Грузовик тронулся с места, со всех сторон закричали. Тут же оборвалась индивидуальная связь: клипсу Салиева наконец-то отключили. На всякий случай пригнувшись к рулю, Дмитрий разогнал огромную машину, снес пластиковое ограждение и вырулил на проспект. Сзади стреляли, но крупнокалиберных пулеметов, способных остановить спецгрузовик, лейтенант не слышал.

Рассыпая через открытые двери кузова сложенную сзади аппаратуру, Дмитрий понесся в сторону Кремля, потом свернул налево. Еще одно ограждение, во все стороны брызнули куски светящегося красным пластика. На этот раз стреляли в лобовое стекло, но оно справилось, появилась лишь пара трещин. У этих парней не было даже автоматов... Мунгвардейцы? Впереди светились окна жилых многоэтажек, Дмитрий покидал район операции.

Пару раз свернув, он увидел старика, в недоумении замершего возле своей машины. Еще бы: на такой скорости по Москве не ездят! Резко затормозив, лейтенант выпрыгнул, на ходу срывая шлем и маску.

– Не двигаться, полиция! За руль, быстро!

Позади раздался какой-то звук, и Дмитрий начал стрелять, даже не закончив разворота. Один из грузивших технику оставался в кузове, а теперь хотел совершить подвиг. Очередь из «галкина» отбросила храбреца к колесу, приколотила его к толстой резине.

– За руль! – повторил Дмитрий старику и зашвырнул шлем, позволявший отслеживать передвижения владельца, подальше в темноту. – Быстрее, а то убью.

Старик вел машину неровно, с трудом вписываясь в повороты. И все же они успели, проскочили полупустыми ночными улицами к одному из парков центра. Дмитрий вышел, вдохнул прохладный воздух.

– Куришь?

– Нет... Кто вы?

– Жаль.

Поскрипывая гравием, лейтенант быстро захромал в темноту, прикидывая, как же теперь выглядят его ноги. Позади часто дышал старик. Дмитрий, достигнув первых деревьев, обернулся.

– Вы убьете меня? Убьете?! Чтобы я не поднял тревогу раньше, чем вы уйдете?

– Да, – согласился Дмитрий и поднял пистолет. – Именно поэтому.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В траве паслись высокие длинноногие животные. Они выстроились полукругом, чтобы защитить телят с подветренной стороны. И было от кого – Крысолов отчетливо видел, как, волоча косматое брюхо по земле, крадется красивая, грациозная тварь. Явно из семейства кошачьих... Зверь почувствовал взгляд Крысолова, оглянулся, ощерился.

– Привет, привет! – Крысолов помахал ему рукой и отхлебнул из фляги. Когда снова опустил взгляд, собеседник уже исчез в траве. – Удачной охоты...

Вечером он натянул гамак между двумя деревьями на самом краю леса. Теперь уже вовсю припекало солнце, но широкополая шляпа надежно скрывала от лучей вытянутое бледное лицо. Паук, очень красивый, оранжево-синий, спустился по стволу и осторожно потрогал лапками веревку, не решаясь ступить на нее.

– Понравилась сеточка? – Крысолов закрутил крышку фляги и чуть пошевелил мыском, прогоняя гостя. – Паучок-то с кулачок... Но это моя паутинка, не твоя.

Надо было идти. Он ловко сбросил вниз длинные худые ноги, вскочил, потянулся. Прекрасный мир! Свежий воздух и чистая вода, множество животных. Птицы, рыбы... На западе – горная цепь, от нее ползут темные облака, явно собирающиеся превратиться в тучи. Крысолов собрал гамак, пихнул сетку в мешок, затянул его хорошенько, взвесил на руке.

– Соль почти кончилась... Где бы у вас тут взять соли?

Он даже вздрогнул от оглушительного щелканья: птица, сильно напоминающая попугая, что-то ответила ему из ветвей. Судя по интонации, о такой штуке, как соль, она и не слыхивала.

– Ладно, в другой раз, – согласился Крысолов, забросил мешок на плечо и немного потопал ногами, недовольно морщась. – Ленив я стал, переобуться трудно лишний раз. Прощай, красавец!

Он пошел вдоль леса, вглядываясь в траву, – хотелось еще раз увидеть того желтоглазого с длинным беспокойным хвостом. Но природа подарила хищнику подходящий для охоты окрас, пройдешь в двух шагах и не заметишь. Крысолов задумчиво потер нос, прислушиваясь к чему-то внутри себя, остановился, потом пошел снова, резко изменив направление.

За кустами обнаружилось толстое раскидистое дерево, на нем пережидало жару семейство обезьян. Может быть, они и не были обезьянами, но внешнее сходство заставляло называть их именно так. Детеныш, вцепившийся в спину матери, встретился со взглядом Крысолова широко распахнутыми глазенками и немедленно заверещал. Меланхолично очищающий фрукт самец тут же вlepил сыну затрещину. И правильно – чего орать-то? Идет мимо некая сущность, вот и пусть идет. Чужая она, странная.

Прежде чем шагнуть в глубокую тень, Крысолов снял шляпу и обмахнулся, еще раз оглядевшись. Здесь и в самом деле было очень хорошо. Прекрасный мир... Огромная бабочка уселась на плечо, зашевелила жвалами, царапая толстую кожу куртки. Он сдунул ее, усмехнулся.

– Кусачие бабочки – это лихо! Это смешно... Ну, я пошел. До встречи.

Шаг, другой – и остались позади кричавшие на сто голосов джунгли. И вот шелестят уже не только листья, но и шины, плачет не обезьяний, но человеческий ребенок... Крысолов продрался сквозь кусты и оказался перед сетчатым забором. Он пошел вдоль него, стараясь не отдать колючкам шиповника мешок и не изодрать зеленую куртку.

За забором виднелось невысокое здание, возле самого угла стояли двое юношей, а из окна на Крысолова подозрительно поглядывала пожилая женщина. Он добрался до асфальтовой дорожки и свернул направо, спустился по крутой лесенке. Вокруг высокие дома-ульи,

воздух наполнен запахами асфальта, отработанного топлива, даже дыма. Запах цивилизации. Запах гнили. Впрочем, не так уж и плохо... По крайней мере чувствуется свежий ветерок, неподалеку вода.

Крысолов заметил лавочку у большой двери, ведущей в многоэтажное человеческое жилище, присел. Проходивший мимо мужчина, одетый только в подмокшие шорты, покосился на незнакомца с подозрением. Крысолов как мог широко улыбнулся ему, даже приподнял шляпу, потом достал из мешка трубку и табак. Всегда надо сначала осмотреться, а еще раньше – покурить.

Трубка, даже скорее, трубочка с очень длинным мундштуком вызвала недоверчивый взгляд еще одного аборигена. Этот только еще спешил на пляж, и шорты у него пока были сухие. Крысолов не обратил на него внимания, увлеченно набивая табак. Щепотку как ребенок, щепотку как женщина, щепотку как мужчина... Как следует утрамбовав зелье будто специально обточенным до нужной ширины пальцем, курильщик зажег длинную спичку.

У Крысолова все было длинным: руки и ноги, нос и пальцы, трубка и спички. Его наряд составляли высокие сапоги, куртка почти до колен, из мягкой, но прочной зеленой кожи, той же кожи штаны, зеленая тканая рубаха. Во дворе, по которому сновали редкие в этот час обитатели района, он выглядел куда более чужеродным, чем в джунглях. Но никто не сообщит в полицию о появлении подозрительного человека, никто не пожалуется на открытое нарушение «Закона о легких наркотиках». Только поморщатся прохожие, оказавшись в облаке дыма, и пойдут себе дальше, с каждым шагом отчего-то все меньше негодуя.

Слишком чужой, чтобы быть заметным.

Закончив курить, Крысолов аккуратно выколотил трубку, продул мундштук и уложил все обратно в мешок, затем достал дудочку, тоже довольно длинную. Внимательно осмотрев немудреный инструмент, Крысолов осторожно извлек несколько пробных нот. Рядом тотчас же остановился ребенок.

– Откуда вы всегда беретесь? – нахмурился Крысолов. – Как из-под земли вырос! Иди, я не стану играть для тебя.

Мальчик лет пяти, толстый, надутый, хотел, наверное, что-то возразить, но не успел собраться с мыслями. Вернулась потерявшая его на миг из поля зрения мать, крепко встряхнула и потащила за собой.

– Разве ты не видишь, что это плохой дядя?!

Малыш покорно переставлял ноги, однако упорно выворачивал голову, стараясь хорошенько рассмотреть плохого дядю. Глаза уже блестели от первых слез. Наконец пара скрылась за углом здания.

– Чувствуют... – проворчал Крысолов и дунул еще несколько раз. – Чувствуют лакомство, хотя.

Несмотря на яркое солнце, на высоком лбу не выступило ни капли пота. Звуки вылетали один за другим, поначалу никак не связанные между собой, но постепенно они сливались в единую мелодию с землей и огнем, водой и воздухом. Вышедший из подъезда пожилой мужчина вдруг поежился, словно от холода, глянул на небо и вернулся назад, громко хлопнув дверью.

– Счастье еще, что здесь мало детишек! – хмыкнул довольный собой Крысолов. Он быстро нашел необходимые созвучия. – Но где мало детей, мало и крыс, так уж заведено.

Он легко поднялся и уверенно зашагал по незнакомой земле. Навстречу попала женщина, смуглая, высокая, с короткими волосами, в светлом комбинезоне. Крысолов на ходу приподнял шляпу – ровно настолько, чтобы из тени на миг показались светло-серые глаза. Женщина отчего-то вздрогнула, отшатнулась. Когда он прошел, она мельком оглянулась, поправляя прическу.

– Шляпа... Какая странная шляпа.

Да уж, в Москве давно не видели таких шляп. Остроконечная зеленая, с широкими мягкими полями. Тулью перехватывал тонкий коричневый ремешок, из-за которого торчал ослепительно зеленый цветок. Таких не бывает.

– Это Живец.

– Молодец, Живец... Знаю, что было весело.

– И сейчас нескучно. Что у тебя?

– Примерно так же. Встретимся как в позапрошлый раз, с поправкой на один и половину. Время восемь.

Дмитрий разорвал связь, аккуратно опустил трубку в приемное окошко автомата. Тот, за несколько секунд сняв плату, выплюнул личную карту. У обычных людей такая штука одна на всю жизнь, а вот у Дмитрия их целая пачка.

Отойдя от автомата, он стянул с головы сложенную из газеты шапочку, надежно прикрывшую лицо от видеокамеры. Вряд ли полиция обратит внимание на звонок, таких каждый день бывает полно. Наркоманы договариваются со своими дилерами, собираются на совещания сетевые пираты, хакеры. Впрочем, ищет его скорее всего вовсе не полиция, и этой картой лучше без необходимости больше не пользоваться.

В позапрошлый раз они со Снежинкой встречались на стоянке возле гипермаркета в Звенигороде, а теперь, значит, следует искать на пятьсот метров севернее. «Время восемь» настанет всего через час, пора отправляться.

По дороге, в Экспрессе, Дмитрий осторожно разглядывал попутчиков. Самые обычные люди, в основном пожилые, как и большинство населения города. Прежде никто не вызвал бы у Живца подозрений, но теперь следовало быть особенно осторожным. Вот совсем древняя старушка в темных очках, беседа с кем-то по браслету, смотрит чуть левее Дмитрия, прямо на его толстого соседа. Тот нервничает, поправляет волосы, а старушка будто и не замечает. Куда же она смотрит на самом деле?

Рискуя опоздать, лейтенант все-таки вышел из вагона загодя, попетлял немного в переплетении мини-метро. Нет, никто за ним не шел... Нервы. Незаметно поправив под легкой «пузатой» курточкой пистолет, Дмитрий рискнул вернуться на линию Экспресса и тут же увидел ту самую старушку. Она чересчур быстро отвернулась, и Живец решил:

– Не подскажите, как мне побыстрее до Ярославля добраться?

– До Ярославля? – дребезжащим голосом переспросила она. – А вы по схеме посмотрите, молодой человек. Вон, на стене схемочка. Где мои таблетки?.. Ведь брала из дому, точно помню.

Она склонилась над сумочкой, но Дмитрий уже навис над ней:

– Я помогу.

Старушка сидела в самом углу зала, и остальные ожидающие вагона не видели, как рука лейтенанта стиснула тощую морщинистую шею.

– Вот так... – приговаривал Живец, запустив руку в сумку и уже там высвобождая из рукава нож. – Тише, не надо дергаться...

Она все-таки рванулась, попыталась нащупать пистолет, но лезвие уже проткнуло тонкую стенку сумочки, скользнуло между ребрами. Вскрикнуть умирающая не смогла, лишь дернулась несколько раз. Вроде бы никто ничего не заметил. Подошел вагон, в суете высадки и посадки он поудобнее пристроил тело, прикрыл медленно наполняющуюся кровью сумочку старушкиной кофтой. На несколько минут такой маскировки должно хватить... А оружие у нее оказалось что надо – все тот же «галкин». Последним вскочив в Экспресс, Дмитрий присел у выхода и тут же отвернулся к широкому окну.

Вот так: это не нервы, но чутье, то самое, что до сих пор позволяет оставаться в живых. Ничем нельзя объяснить эту способность Живца притягивать к себе благое расположение

множества случайностей, умение безошибочно определять никак не выдающего себя врага, предчувствовать опасность. Чистая удача, вот как еще можно назвать это чутье, и только на него теперь можно рассчитывать. Старушка наверняка успела его отснять и передать изображение остальным охотникам. Правда, пока он, наверное, только подозреваемый, один из многих, но эту недоработку исправят, как только обнаружат труп. Может быть, не ездить на встречу со Снежинкой?

Тогда связь будет полностью разорвана, останется лишь окончательно выйти из игры, рвануть куда-нибудь за Урал или в Европу. Дмитрий не сомневался в своей способности спрятаться, но как жить дальше? Придется забыть все, стать нищим бродягой, больше всего опасаящимся картотеки Интерпола. Возможно, другого выхода просто нет, но следует в этом убедиться, пусть даже это будет стоить жизни. В сущности, не так уж много он и теряет. Игра важнее.

Пришлось пересест еще один раз, но в Звенигород Дмитрий попал вовремя. Станция находилась на площади, со всех сторон окруженной рядами бутиков, ювелирных магазинов, сувенирных лотков и прочей ерунды, так привлекающей молодящихся горожан. Даже не пытаясь скрыться, лейтенант быстро прошел к жилому кварталу, дворами добрался до гипермаркета. К северу от него находился маленький парк аттракционов, повизгивали дети – их тут оказалось необычно много для Москвы. Скверное место для перестрелки.

Снежинка ждала его у фонтана, она сидела на лавочке, ничем не выделяясь из ряда усталых, разморенных на жару мамаш. До уговоренного времени оставалось еще шесть минут, но Дмитрий не стал ждать, прямо направился к ней. Недовольно сморщившись, Снежинка встала навстречу. На ее коже, очень черной, поблескивали тысячи капелек пота.

– Заставляешь себя ждать! – громко заявила Снежинка, подставляя щеку, и тут же тихо добавила: – Живец, когда ты поймешь, что мелочей не бывает?

– Отстань.

– «Время восемь», Живец! Часы спешат?

– Отстань, говорю! За мной следили, пришлось приколоть к сиденью одну старуху.

– Где?

– На станции Экспресса, в Химках.

– О, Господи!

Они медленно шли по аллее, и Дмитрий почувствовал, как от Снежинки будто потянуло холодом. Ему всегда доставляло удовольствие досадить ей вот таким спокойным признанием. Да, опять убил. И еще вчера пять человек, один из которых виноват только в том, что решил куда-то поехать ночью и оказался на пути Дмитрия. Можно было даже оставить его в покое, все равно лицо Живца зафиксировали камеры в Башенке. Но вдруг записи испорчены при штурме?.. Старик просто вышел из дому не вовремя. Хотя, в сущности, все остальные тоже случайно оказались на пути бегущего хищника, другого объяснения нет.

– Что говорит пресса? – прервал Живец затянувшееся молчание.

– А тебе не наплевать, что она говорит? – мрачно поинтересовалась Снежинка. – На Ленинградском ночью была крупная полицейская операция по уничтожению банды оборотней-наркоторговцев, было оказано серьезное сопротивление, есть жертвы в правоохранительных органах. Есть жертвы?

– Целый отдел.

– Вот. А у нас была операция маленькая. Малюсенькая... Терехин получил приказ ликвидировать восемнадцать сотрудников, вот и все.

– Откуда знаешь?

– Сам сказал. Я его навестила сегодня утром, перед нашим сеансом связи.

– Он на нашей стороне? – удивился Дмитрий.

– А разве есть такая сторона? – Снежинка брезгливо покосилась на собеседника. – Я его убила. А перед этим мы немного поговорили... Баран, я всегда это знала. Приехал утром домой как ни в чем не бывало, даже без охраны. А ведь знал, что я ушла!

– Мне опять повезло, – сделал вывод лейтенант. – Больше я бы ни с кем связаться не рискнул.

– А и не с кем, все наши ликвидированы терехинской внешней охраной. Тела увезены куда-то, не знаю куда... Он сам ничего не знал, это точно. Слушай, Живец, а не сдать ли нам? Вот тебе не стыдно старушек убивать?

– Не стыдно. Ей же не стыдно было за мной следить.

– Откуда она знала, кто ты такой? Наверняка пешка из добровольных сотрудников, ей сказали, что ищут наркодилеров... – Снежинка подвела Дмитрия к свободной лавке и первая тяжело плюхнулась на пластиковое сиденье. – Мне все надоело, Живец.

– Быстро! Суток не прошло. Об одном прошу: расскажи мне, что происходит. Ты обязана это сделать, пойми. Вчера я поехал в этот Седьмой Особый отдел и успел проговорить с их начальством всего полчаса. – Дмитрий присел рядом, взял Снежинку за руку. – Я просто хочу знать, за что меня хотят убить! И за что перебили весь этот несчастный отдел, конечно не говоря уже о наших.

– Как за что? – Снежинка высвободила руку, скучающим взглядом уставилась на стайку купающихся в песке воробышек. – За то, что много знали. За что же еще убивают?! Я сегодня, когда ты позвонил, еще на что-то надеялась... Попробовала поговорить кое с кем из других отделов, но все сразу предлагают встретиться. Понимаешь?

– Понимаю, – кивнул Дмитрий. Встреча стала бы последней.

– Я не знаю, какую для них придумали легенду, но Терехин уверен, что мы приторговывали дурью в международных масштабах. Был уверен... Нет никого на нашей стороне, Живец. И стороны нашей нет, а есть только ты и я. Пока.

Дмитрий вытянул ноги, закинул руки за голову. Они со Снежинкой плохо смотрелись рядом: он в спортивном костюме и бумажной курточке, она в нарядном сарафане, увешанная бижутерией, с высокой прической. Если здесь есть наблюдатели, то такая парочка пойдет у них первым номером.

– Расскажи, что знаешь, а потом простимся, – решил Живец. – И поступай как хочешь.

– А ты убьешь еще десяток человек? – хмыкнула Снежинка. – Знаешь, я вот сижу и думаю: а не пристукнуть ли мне тебя прямо сейчас? Всем будет лучше.

– Говори.

– Что тебе сказал Плещеев? – Снежинка вытащила из нагрудного кармашка какую-то конфетку, воздух наполнился мятным ароматом. – Вообще, почему именно ты поехал в эту Башенку, если ничего не знаешь?

– Потому что подполковник Насырова потребовала срочной встречи. Но Плещеев подозревал что-то, решил, что лучше ему будет остаться в кабинете.

Мимо них прошли четверо молодых мужчин. Дмитрий почувствовал, как напряглось бедро Снежинки, но он-то знал, что опасности пока нет.

– Плещеев запретил мне вести запись и брать что-нибудь от Насыровой тоже. Надеюсь, наверное, сойти за неосведомленного... Почему Насырова обратилась к нему, а не в НБ? Не в свое Управление хотя бы?

– Полиция погрязла в карьерных играх, они прессы боятся больше, чем преступности. Управление приказало ничего не предпринимать, ждать указаний, а в Седьмом отделе пропал сотрудник, капитан Данилова. Надо было попытаться ее спасти, вот Насырова и связалась с Плещеевым, они когда-то были дружны. Наша контора все-таки еще имеет прямые выходы и в мэрию, и даже на Кремль, она это знала... – Снежинка сняла с плеча сумку и отставила ее на край лавочки. – Все, я решила: не буду больше прятаться.

– Дальше, – потребовал Дмитрий.

– А что дальше? – Она безразлично пожала крупными плечами. – Дальше ты поехал в Башенку, а за нами вскоре пришли. Анзор успел мне крикнуть с улицы в окно, вот я и проскочила через подвал в основное здание министерства, ну а там просто вышла не скрываясь и даже уехала на своей машине. Случайность... Ведь Терехин случайно был таким идиотом, правда? – Снежинка немного посмеялась, и Дмитрий не стал ее торопить. – Ладно, слушай. Меня напрямую история с Даниловой не касалась, но... Ты ведь уже знаешь о тварях в старых тоннелях? Тебе успела рассказать Насырова?

– Таги-заде, – поправил Живец. – Ее заместитель. Да, кое-что известно, я и раньше слышал похожие страшилки.

– Сказки становятся былью, ты просто редко бываешь в Москве. Началось все гораздо раньше, года четыре назад, когда Плещеев еще только нащупал эту тему. Создал группу, доложил наверх...

– Что, действительно мутанты? – приподнял брови Дмитрий.

– Считаю, что так. Несколько лет мы работали в этом направлении, группа постепенно расширялась. Гриф «совершенно секретно», само собой. Меня включили в тему месяца три назад... – Снежинка замолчала и выпрямилась будто ожидая пули.

Живец проследил за направлением ее взгляда. Две женщины сидели на лавке, рассматривая что-то в раскрытом гитарном футляре.

– Это еще не за нами.

– Что-то не верится...

– А ты мне верь, – улыбнулся Дмитрий. – Я тоже мутант.

– И правда, – согласилась Снежинка. – «Чиновник для особых поручений», мы тебя так называли. Ставки делали, когда тебя все-таки дилеры прикончат.

– Говори дальше, время идет, – попросил лейтенант. К тому же эта тема была ему неприятна: Снежинка не знала, чем занимался Живец в СПР на самом деле. – Значит, в городе появились мутанты. Седьмой Особый отдел полиция создала тоже для борьбы с ними, но не знала, с кем имеет дело. А мы знали. Теперь и они догадались и тогда всех убили. Глупо как-то получается, а?

– Плещеев считал, что мутанты угрожают существованию человечества, ни больше ни меньше. Убеждал в этом руководство, бывал в очень высоких кабинетах. Он был уверен, что мы с ними просто не справимся, ни полиция, ни НБ – никто.

Снежинка посмотрела на Дмитрия, но тот спокойно выдержал ее взгляд.

– Не веришь, да? А Плещеев был не паникер, просто знал больше других. Что именно – не скажу, я работала только на сборе общей информации. Честно говоря, ничего интересного... Ты сам знаешь, что бывает в последнее время на улицах после наступления темноты. Растерзанные трупы, часто без конечностей... Или вообще одни пятна крови. Руководство решило послать Плещеева подальше и направило к Отилю.

– Это такой длиннородый? – уточнил Дмитрий. – Чудной.

– Да, совсем ненормальный. У него свой отдел, давно из одного полковника Отиля состоящий. Окультизм какой-то...

– Приехали!

– Да, вот так. Но Отиль утверждал, что нашел способы связаться с инопланетным разумом или с Господом Богом, что-то такое. Правда, это коридорная информация... В общем, Плещеев впал в тоску и сказал как-то недавно, что положение аховое, шансов выжить у нас – он имел в виду все человечество – никаких. И что впору обращаться за помощью к самому дьяволу, не то что к Богу. Они с Отилем много совещались, а на работу нашей группы Плещеев вообще перестал внимание обращать. Поэтому и тебя послал к Насыровой, ему было все равно.

– Интересно. Вот только не понимаю, почему всех решили ликвидировать.

– А кто понимает?! – вскинулась Снежинка. – Ты думаешь, я понимаю? Прослеживаю связь, и только. Может, это мутанты приказали нас перебить. Может, у них свои люди в НБ или в министерстве. Может, завтра конец света.

Они замолчали, ожидая, пока мимо проковыляет старик с массивной тростью. Подул ветерок, взметнув краешек сарафана Снежинки.

– Данилова пропала два дня назад, – медленно проговорил Дмитрий. – Таги-заде в ходе несанкционированной операции отправил ее в старые тоннели с какими-то своими людьми. Утверждал, что ни цыган, ни бомжей там больше нет. Вообще никого нет, кроме мутантов; они всех истребили. Связь оборвалась, и тогда Насырова, которая была в курсе всего, запретила ему продолжать, обратилась за помощью в Управление, потребовала устроить облаву в подземельях. Но Управление не помогло, тогда они вызвали всех своих сотрудников, приготовились действовать самостоятельно. Насырова все же попробовала найти помощь через Плещеева, но тот не захотел с ней говорить, послал меня. Что происходит, Снежинка?

– Мы встали у кого-то на пути. Теперь... теперь нам нет места, Живец. От НБ не уйдешь даже ты.

На этот счет Дмитрий имел свое мнение, но промолчал. В версию причастности к делу НБ ему не верилось. Надо было продолжать борьбу за выживание, и Снежинка уже не была его союзником.

– Значит, больше этого знают только в верхах?

– Да, но туда ты не подберешься. Насколько я понимаю, удивительно много руководителей всяческих структур покидают Москву. Отправляются отдыхать... Это неспроста, просочились, наверное, слухи... Усилена охрана.

– Отиль тоже вчера убит?

– Нет.

Дмитрий едва не подпрыгнул:

– Продолжает работать?!

– Он исчез несколько дней назад. Просто исчез, и все. Это Терехин сказал.

Небо постепенно затягивало облаками, на скамью упала тень. Живец поднялся, поправил куртку.

– Мне пора. Ты остаешься?

– Да. – Снежинка опять полезла за конфетками. – Всю жизнь работала на правительство и общество и теперь не собираюсь от них бегать. Терехина прикончила, вот и хватит. Знаешь, если они захотят со мной поговорить, я все расскажу о нашем разговоре.

– Ладно... – Дмитрий на миг задумался, но не нашел причин что-либо скрывать. Пусть живет. – Прощай.

Она не ответила.

Они встретились на остановке Экспресса и пешком дошли до моста. Здесь дул ветер, разговаривать мешали проносившиеся машины. Плещеев все хотел спросить, точно ли это то самое место, но Отиль дважды не расслышал вопроса, и полковник махнул с досады рукой. Наконец дошагали до обзорной площадки, где толпились какие-то туристы, спустились вниз на пролет, и Отиль остановился.

Плещеев облокотился о железные, с облупившейся краской перила и посмотрел вниз, на реку. Отчего все время хочется плюнуть с высоты?... Какой-то инстинкт из разряда лишних, позорных. Полковник сглотнул, повернулся к спутнику. У Отиля залихватски развева-лась борода, в спокойном состоянии доходившая до пояса и в нижней трети раздваивающаяся. Широкое лицо, большой лоб с просторными залысинами, узкие глаза.

– Это то самое место?

– Примерно... Он найдет, не волнуйся.

– Я не волнуюсь... Чего уж теперь волноваться? Раньше надо было.

Внизу проплывала баржа – ресторан, толпой отплясывали какие-то старики в узких штанах и ботинках с высоким каблуком. Получалось не слишком лихо, мало кто успевал за музыкантами, рвущими струны.

– Блюз, – высказался Плещеев.

– Нет, рок-н-ролл. Клуб какой-то. Можно только позавидовать: сплошь мои ровесники, но я бы рассыпался.

– И везде так, – задумчиво проговорил Плещеев, провожая глазами баржу.

– Что именно?

– Твои ровесники. Мне иногда кажется, что я молодею, а ведь уже за пятьдесят. Город старится быстрее меня.

– Молодежь отправилась в теплые края, там веселее. Побережья, любовь-морковь... – В разговоре Отиль имел манеру смотреть на собеседника в упор, что обычно раздражало. Плещеев улыбнулся, но старик, видимо, и не думал шутить. – В Москве и работы-то теперь немного, всюду сидят вот такие пердуны и на пенсию не торопятся. Чем заняться молодым? Разве что самым старым задницы подмывать.

– Сейчас многие через Сети работают, вообще никуда не выходят месяцами, – заспорил Плещеев. – Нежирно, конечно, но...

– Разве это работа для молодежи? Платят гроши, а никуда не выходить – это что же за жизнь для них? Это больше для стариков.

– Да так, на глаз-то не скажешь... – Полковник опять посмотрел в сторону уплывшего к Серебряному Бору ресторана. – По всей стране так, я недавно листал статистику... Стареем. Закон о рождаемости не работает, а ужесточать меры наказания никто не решается.

– Не пройдет на референдуме, – убежденно сказал Отиль.

– Да ты оглянись! – возмутился Плещеев. – Половина населения на пенсии! Конечно, они проголосуют за, им-то не рожать! Просто никто не хочет брать на себя ответственность, вот и все. Каждое правительство у нас – временное, отсюда и разложение.

– Да ты монархист? – впервые улыбнулся Отиль. – Не ожидал от полковника СПР!

– От полковника и слышу.

– Монархист, надо же! – не переставал радоваться старик. – Вот дела! Совсем, значит, плохо дело!

– Отстань.

Плещеев опять отвернулся к реке. Глупо все. Глупо, потому что бессмысленно. Тридцать лет существовала Служба перспективного развития и медленно угасала практически с первого же дня своего существования. Все вокруг считали эту организацию совершенно лишней, возникшей из-за глупости властей предрежащих, но каждый раз, когда вставал вопрос о ее ликвидации, наверху находился хоть один да умный человек и брал ее под крыло. И все, быть может, ради этого дня, когда надо спасти то, что еще осталось от погибающего мира. В результате на мосту стоят два забывших, когда надевали форму, полковника и ведут дурацкие разговоры.

– Ты уверен, что мы не зря здесь торчим? – бросил Плещеев через плечо.

– Уверен. И ты будь уверен, ждать недолго. Лучше подумай последний раз, правильно ли поступаешь.

– Выхода нет, даже Милош с этим согласился.

– Милош хитер... – опять заулыбался Отиль. – Милош согласился, потому что я хорошо составил договорчик. И если ты его внимательно читал, то должен понимать, что...

– Что?.. – безразлично переспросил Плещеев.

– Что выполнить его условия невозможно. Смешные условия. Нельзя и нарушить, ибо я никому не советую нарушать договоры с... нашим партнером. И я много говорил об этом хитрецу Милошу, он даже устал от меня. Но ведь не поверил. Да, не поверил! – Старик, казалось, был очень доволен этим фактом. – Я по глазам видел, что он не поверил!

– Мэр тебе вообще не поверил, – устало вздохнул Плещеев. – Надо потерять надежду, как я, чтобы быть готовым поверить в любую чушь. А Милош и мне-то до конца не верит.

– Поверил, если подписал договор! – Отиль погладил себя по пиджаку. – Вот он в кармане, даже печать имеется. А подписал потому, что не собирается его выполнять. Думает, обойдется! Нет, и я его предупредил, что именно произойдет. Не верит, по глазам вижу.

– Было бы странно, если бы он верил...

Сам Плещеев действительно был готов поверить во что угодно. За годы наблюдений он достаточно много узнал о мутантах, быстро заполняющих старые тоннели, чтобы впасть в состояние, близкое к истерике. Этим тварям никто не сможет противостоять. Еще полгода, может быть, год, и они перестанут ограничиваться ночными вылазками за пищей, а потом вырвутся за пределы Москвы и никакой кордон их не удержит. И тогда конец, не поможет даже ядерное оружие. Но применить его все равно никто не решится, ведь никто не готов брать на себя ответственность. Каждый думает, что на его век хватит.

... Мэр, один из тех самых умных людей, не брезговавших добываемой СПР информацией, так и сказал: невозможно. Нельзя сказать людям, что они должны в двадцать четыре часа покинуть столицу, нельзя бомбить город. И самый первый человек, которому про это нельзя сказать, – президент. Вот предложить бросить в тоннели дивизию с огнеметами – это можно. Хочешь? И Плещеев сказал: нет, не хочу.

Это все равно что тушить пожар бензином. Мутанты очень быстро поймут, как опасны огнеметы в замкнутом пространстве, и тогда просто выйдут наверх. Город захлебнется в собственной крови, и побегут отсюда миллионы жителей не в двадцать четыре, а в два часа, и их будут гнать не ведающие жалости, но зато очень голодные твари, только внешне похожие на людей.

– Тогда не знаю, что тебе и сказать, – пожал плечами Милош и демонстративно вернул диск с докладом полковнику. – Все это очень страшно, но делать с этим знанием пока нечего.

– Но ведь надо, надо что-то делать! Нельзя просто сидеть и ждать.

– Ты уверен, что все так серьезно? – Мэр сложил руки на животе, посмотрел Плещееву в глаза. – Знаешь ведь, что это не в моей компетенции... Строго говоря, и ты не в моей компетенции, и вся ваша Служба. Но не замечать происходящего уже невозможно, есть кое-какая информация и по другим каналам. Я посодействую, чтобы наша полиция озаботилась этим вопросом, создадим специальное подразделение, еще один отдел.

Вот поэтому Плещеев и стоял тогда перед мэром, а не мыкался в кремлевских приемных. Милош не глуп, деятелен, он может сделать хоть что-то, оставаясь, конечно же, в тени.

– Это хорошо. Только быстрее бы... У меня пропали три человека.

– Из «обоймы»? – нахмурился Милош. – Ты бы поберег их, что ли... Через пять лет снова выборы, и, говоря откровенно, я на твоих людей очень рассчитывал.

Одна из главных причин, по которым мэр держал СПР под своим крылом, – «обойма». Люди-патроны, которых Милош время от времени выпускал в своих врагов. Плещеев старался не думать об этом, все равно ведь политика – грязное дело. Какая разница, кто тебя убьет, если так или иначе суждено умереть? Доживший до маразма, генерал начальствовал над СПР, месяцами не выбираясь с дачи. Пять полковников возглавляли отделы, не зная толком, кто чем занимается, – секретность в Службе была на высоком уровне.

– Давай говорить откровенно, – будто прочел мысли Плещеева Милош. – Фонды на вас выделяет на семьдесят процентов город, а он это делает, пока в этом кресле сижу я. Случись что – Служба просто перестанет существовать, понимаешь?

– Понимаю, – кивнул полковник.

До какой же все-таки степени дошло всеобщее разложение! Люди полностью заняты сами собой, их совершенно не волнует происходящее в высших эшелонах власти, а уж про низшие и говорить нечего. В результате мэрия финансирует собственную, весьма странную спецслужбу, а всем наплевать. И Плещееву – тоже, потому что новый президент будет ничем не хуже и не лучше нынешнего.

Ему захотелось спросить, зачем все это нужно Милошу. Однако в ответ польется хорошо отрепетированный на пресс-конференциях бред, а правда куда проще. Мэру просто нравится власть, так же как Плещееву нравится копаться в различных вариантах развития общества, так же как соседу полковника нравится сутками пропадать в Сетях. Просто нравится, вот и все. У каждого свои игры.

– Это хорошо, что ты меня понимаешь. Так что побереги людей, особенно того, которому лейтенанта недавно дали. Как его...

– Живец, – напомнил полковник. – А имен не нужно, у меня такого рода сотрудники сами друг друга не знают.

– За то и люблю СПР! – улыбнулся Милош. – Так, мне пора на совещание... Вот что, не грусти так. Что-нибудь придумается!

– Не верю, – честно признался Плещеев. – Вы не видите, но я вижу. Грядет катастрофа, а мы беспомощны как дети. Или, скорее, как старики.

– Не хочешь поговорить с Отилем?

– О чем?

– Да все о том же! – Мэр собрал какие-то листки в папочку и пошел к дверям, увлекая за собой полковника. – Если ты утверждаешь, что мы столкнулись с некой совершенно непосильной проблемой, то не грех и к старику заглянуть. Не зря же он оклад получает! Зайди, я даю добро. Вреда не будет, а в некоторых вопросах он не такой уж и сумасшедший...

И вот спустя почти три года они с Отилем стоят на мосту и рассматривают реку, ожидая некоего гостя. Плещеев удрученно покачал головой, усмехнулся невеселым мыслям:

– Как ты думаешь, они действительно могут это сделать?

– Он, – уточнил Отиль. – Он придет один. И я уверен, что он это сделает. Город будет избавлен... От крыс. Правда, так теперь бомжей называют, но ведь и я не про грызунов! – Старик захихикал над своей непонятной шуткой.

– Просто крысолов какой-то.

– Не какой-то, а гаммельнский. Все ведь оттуда и тянется, еще в работах Звягинцева можно прочесть... А знаешь, Плещеев, чем кончил Звягинцев?

– Во-первых, я не знаю, кто он такой.

– Профессор. В своих исследованиях докатился до оккультизма, а оттуда обычно две дороги: или в сумасшедший дом, или в монастырь. Звягинцев предпочел второе, умер лет десять назад.

Плещеев про себя подумал, что Отиль явно склоняется к сумасшедшему дому. И если крысолов не появится в самое ближайшее время, он, Плещеев, постарается сократить для коллеги этот путь. Впрочем, какая тогда разница... Полковник посмотрел на часы.

– Еще две минуты, – тут же сказал Отиль. – Я думаю, он будет точен.

Плещеева вдруг охватила дрожь. Он огляделся – вокруг ходили, смеялись самые обычные люди, москвичи и туристы.

– Отиль, ты ведь норовишь заключить договор с дьяволом, так?

– Да нет же! – Старик теперь не просто хихикал, он зашелся хохотом, испугав чью-то маленькую, но визгливую собачонку. – Дьяволу договор кровью подписывают, да и просит он немного – душу-другую. А тут все иначе, ты сам читал договор... Нет, дружище, на этот счет можешь быть спокоен. А не веришь – перекрести его.

Полковник открыл было рот, чтобы еще что-то сказать, но застыл, не в силах даже вздохнуть. Рядом оказалась долговязая фигура в зеленой остроконечной шляпе, и невозможно было понять, появилась она только что или находилась здесь с начала разговора. Отиль опомнился раньше:

– Тот ли вы, кого мы ожидаем?

– Тот, – легко согласился незнакомец. – Я пришел подрядиться на одну работу. Но мне нужен договор.

– У нас есть для вас работа. – Отиль храбрился, даже постарался улыбнуться, но вышло довольно кисло. – Может быть, пройдем куда-нибудь в более...

– Здесь хорошо. Я готов выполнить свою работу, но мне нужен договор. Ведь все имеет свою цену.

– Ну что ж... – Старик посмотрел на Плещеева, будто в поисках одобрения, и полез в карман пиджака.

– Постой! – попросил полковник.

Он никак не мог разобраться в прибывшем. Казалось, на нем невозможно как следует сфокусировать взгляд.

Высокие сапоги, зеленая одежда, шляпа, мешок через плечо – все это еще удавалось рассмотреть уголком глаза, глядя чуть в сторону. Но лица Плещеев не видел вовсе.

– Я не спешу, – тут же сообщил незнакомец и приподнял шляпу.

Теперь Плещеев увидел лицо, но тут же каким-то образом и забыл. В памяти остался длинный нос, тонкие губы, светлые глаза. Но нарисовать это лицо он бы не смог... Да и светлые ли были глаза?!

– Может быть, для начала представимся, – опять заговорил старик. – Я – полковник Отиль, мой друг – полковник Плещеев. Мы работаем в СПР, наша организация...

– Я не могу работать с вашей организацией, – сухо сказала неведомое существо. – Я могу наняться лишь к хозяину города. У вас есть нужный мне договор?

– Конечно, – смутился Отиль. – Все, что мы обещали, выполнено. Но как к вам обращаться? Я надеюсь, что мы сможем немного поговорить о... Обсудить с вами некоторые вопросы, касающиеся сферы моих интересов. Я, видите ли...

– Нет. Мы ничего не сможем обсудить, полковник Отиль. А называть меня вы можете Крысолов. Где договор?

Отиль еще раз посмотрел на Плещеева, но тот промолчал. Тогда старик вытянул из кармана скрученные в трубочку листы. Длинные – кажется, они были длинные... – пальцы Крысолова быстро выхватили их из руки Отиля, развернули.

– Да, это то, что мне нужно, – почти сразу сказал он.

– Если вы сомневаетесь в подлинности подписи, то...

– Это то, что мне нужно. У вас имеется перо или мне достать свое?

Отиль замешкался, и Плещеев протянул Крысолову свой фломастер. Его начинало мутить, хотелось поскорее оказаться подальше от этого существа, хотя ничего дьявольского в нем не ощущалось. Обычный человек, только очень странный. Таких не бывает, но это не страшно. Зачем такого крестить? Смешно.

– Прекрасно. – Крысолов быстро, прямо на весу, подписал договор. – Вот ваш экземпляр. Работа будет выполнена в указанные сроки.

– Мэр Милош со своей стороны уверяет вас, что взятые на себя, то есть на него, обязательства будут...

Но перед ними уже никого не было. Сверху спустилась женщина и поморщилась, осуждающе взглянув на двух мужчин со странным выражением на лицах. Плещеев машинально потянул носом и почувствовал запах какого-то крепкого, но ароматного табака. Дунул ветер, и запах развеялся.

– Покази! – Плещеев впился в руку Отиля. – Он подписал?

– Да, вот твой фломастер, возьми. – Старик не отдал договор, и они склонились над ним, соприкоснувшись лбами.

«Крысолов» – размашисто вывела рука их нового партнера. Почерк был скорее мужским, но удивительно аккуратным, буквы, хотя и крупные, абсолютно пропорциональны. Обычные буквы кириллицы, никаких завитушек или росчерков.

– Его в самом деле так зовут?

– Да это не важно... – пробормотал Отиль, складывая и пряча лист. – Имеет силу не имя, а рука. Вообще-то и договор необязателен, но некогда его хозяева решили, что люди помнят лишь о письменных обязательствах...

– Хозяева?!

– Я не могу сказать точнее. Некие силы, частью которых он является... Плещеев, да ты вообще понимаешь, с кем мы имеем дело?!

Отиль побледнел, разволновался.

– С кем же? – мрачно поинтересовался Плещеев.

– Не знаю, клянусь! Но работа будет выполнена.

Рука об руку они поднялись по лестнице и пошли обратно к остановке экспресса. Перекрикивая гул машин, Плещеев обратился к спутнику:

– Почему «Крысолов»?! Он слышал наш разговор?!

– Может быть! – взмахнул рукой Отиль. – Но это не важно! Он был Крысоловом и тысячу лет назад!

Плещеев наморщил лоб, вспоминая. Гаммельн, крысы... и увел из города детей! Недоумевая, полковник посмотрел на спутника, а тот закивал, будто что-то услышал.

– Да, да! Договор с Крысоловом нельзя нарушать! А Милош этого не понимает!

Выглядел Отиль в этот момент совершенно сумасшедшим. Они шли к станции, а немного левее, вдали, можно было рассмотреть тонкий силуэт высокого здания, прозванного у москвичей Башенкой. Года полтора назад город купил ее у самоликвидировавшегося холдинга, и туда сразу въехал только что созданный Седьмой Особый отдел полиции. Этот отдел вообще вызывал раздражение у многих в Управлении: и материальная база выделена щедрая, и штаты раздуты так, что дальше некуда.

Серая Башенка гордо поблескивала сотнями больших чистых окон, вызываясь прямая, издалека видная. Но спустя несколько дней, теплой августовской ночью, Башенку расстреляют из пулеметов, а выбраться из здания сможет только один человек.

Они останавливались уже пять раз. Андрей то открывал капот и подолгу склонялся над мотором, то снимал колеса. Ночь приближалась к середине, острота охоты ушла. Наконец динамик сонным голосом попросил закинуть невод последний раз, возле парка, неподалеку от МКАД.

– Вижу. – Наташа надавила пальцем на красное пятнышко, загоревшееся с краю карты. – Мы там не увязнем?

– Сухо же! – удивился Центр. – Там несколько рядов деревьев, надо проехать сквозь них. Окажетесь на полянке, покопаетесь немного с тачкой и бросите. Помогайте себе голосом, напрягитесь, смена кончается! Потом идите через парк. Осторожнее, ограда сверху острая.

– Вот! – Андрей расстроено шлепнул ладонями по рулю. – Еще и портки рвать, через заборы лазить! А сколько нам потом по парку тащиться пешком, а?!

– Прогуляетесь. – Женщина в Центре будто поджала губы. – Погода хорошая. Выйдете на аллею, повернете влево, через полчаса окажетесь на шоссе, оттуда последний раз доложите и разъедетесь по домам.

– Утром, – уточнил Андрей. – Манана, а как ты-то полезешь?

– Как ты, так и я, – сонно отозвалась сержант Чачава с заднего сиденья. – Юбку сниму и полезу, не рвать же ее. На задницу мою посмотришь в лунном свете, ты вроде давно ею интересуешься.

– В лунном?.. – Коваль вздохнул. – В лунном свете все задницы одинаковы, Манана.

Они замолчали. Вскоре Чачава начала отчетливо посапывать, и Наташа искренне ей позавидовала. Гулять по парку не хотелось, хотелось остановиться, свернуться калачиком и уснуть. А еще хотелось курить. Она посмотрела на дисплей – зеленое пятно, обозначающее машину, приближалось к цели мучительно медленно.

– Музыку? – предложил Андрей.

– Манану разбудим. – Наташа потянулась к нему, прижала губы к уху. – У тебя сигареты есть?

Коваль кивнул, вывернул руль, поворачивая на МКАД, потом вытащил из нагрудного кармана краешек пачки «Давидовф». Индивидуальная связь пока не была активирована, видео наблюдение за салоном тоже. Вот только в какой момент закурить? В машине датчики, на полянке все будет просматриваться, потом в парке их тоже будут вести. Выходит, только на шоссе, после доклада. Наташе захотелось плюнуть на неизбежную потерю половины премии и подыметь прямо на задании. Андрей, будто прочтя эти мысли, заговорщически покосился, подмигнул.

– Не лови удачу, проживи иначе! – печально пропела Наташа слова из прошлогоднего шлягера. – Горе на войне, а счастье в тишине...

– Счастье – это день получки, – мрачно прервал ее Коваль и почему-то опять подмигнул.

Задумал что-то?.. Наверняка. С самцами вечно так: любая монотонная работа неизбежно приводит к нарушениям, особенно если рядом женщины. В то же время именно Наташе и Манане предстоит теперь его умирять, ведь случись что – виноваты окажутся именно они. Насырова скажет: спровоцировали! И будет права. А как не спровоцировать, если мужчина только об этом и мечтает?

– Приехали. – Андрей притормозил, перевалил машину через бордюр. Чачаву сзади подбросило, она очнулась и испуганно вцепилась в дверную ручку. – Деревья... А проеду я между ними на «Ниве»? Она у нас широкая, модная.

– Проедете, Коваль! – Незнакомка из динамика отчетливо хмыкнула. – Надеюсь, ничем себя еще не взбудрили?

– Бензин лакает, сволочь! – спросонок заступилась за товарища Манана. – Даниловой помогает неприличными жестами! В салоне накурено, заберите меня отсюда!

– Смешно, – очень спокойно сказали из Центра. – Надеюсь, это действительно шутка.

Коваль только скалил неровные зубы. В отделе уже давно знали, что каждый раз, когда Андрей был на задании, связь с ним поддерживали феминистки. Подполковник Насырова категорически отметала возможность злого умысла, но лейтенант не верил. Проезжая второй ряд деревьев, Коваль сбил о торчащий сук левую камеру дополнительного обзора.

– Черт!..

– Что случилось?! – рявкнул Центр.

– Здесь узко для «Нивы», – как можно более сухо доложила Наташа. – Исцарапали кузов, повредили камеру, прошу отразить в рапорте.

– Хорошо, – вздохнула женщина. Ей явно казалось, что Коваль просто пьян. – Я попрошу перепроверить потом расстояние между стволами.

– Бюрократы... – одними губами, яростно гримасничая, прошептал Андрей.

Наташе стало его жалко. Ведь как хочет сказать: сука! Премию свою отдал бы на квартал вперед, но нельзя – сослуживицы обидятся. Деревья кончились, фары высветили широкую поляну, местами заросшую невысокими кустиками.

– Черт!!! – Андрей выдернул ключи, вылетел наружу, торопясь расплескать эмоции. – Черт! Черт! Как заколебала меня эта колымага!

Пока он в ярости стучал ногами по колесам и бамперу, Наташа активировала видеонаблюдение в «Ниве» и сунула за модный вырез на животе валявшийся под ногами пистолет. Сталь неприятно резанула холодом по лобку.

– Лю-би-мый! – Манана хлопнула дверью, поправила узкую юбку. – Не горячись, через лес дойдем!

– Я почию!! – Коваль, отрабатывая роль, открыл капот и принялся чем-то там стучать. – Я ее, суку, почию! Она у меня поедет!

Стоило бы напомнить Андрею, что и машину называть в их присутствии сукой не очень тактично, но Наташа решила не быть занудой. Она тоже вышла, сделала несколько шагов в сторону, включила «индивидуалку». – Раз-раз-раз! В чащах юга жил-был цитрус! – Она говорила, не разжимая губ: прикрепленный за ушной раковиной прибор должен был суметь справиться и так. – Прием!

– Норма, норма! – откликнулся Центр. – Как слышите меня, Данилова? Сержант Чачава, лейтенант Коваль, проверка!

– Слышу хорошо, – отозвался Андрей. Он тоже говорил с закрытым ртом, голос, расшифрованный компьютером, звучал непохоже. – Манана?

– Норма. Лю-би-мый! – Сержант опять заголосила вслух. – Смотри, какая луна! Она отливает золотом!

– Отливает золотом? – усомнился Коваль и даже высунулся из-под капота. – Мне бы так отливать. Я бы тогда машину купил получше.

– Не чини ее, Андрюша! – Манана пошла к нему, раскинув руки. – Давайте лучше все разденемся и станцуем голыми при луне!

– Не переигрывайте, Чачава! – брезгливо сморщилась феминистка в Центре. – Чините «Ниву» еще минут пятнадцать, Коваль. Остальные походите немного вокруг, хватит дурачиться.

Даниловой хотелось курить. Вот сейчас, кажется, можно зайти в эти кустики, и никто ничего не заметит... Но это иллюзия, поляну просматривают со всех сторон десятки глаз. Работа под прикрытием, будь она неладна! Но крысы действительно опасны, трупы находят все чаще. Наташа сделала несколько шагов, и пистолет едва не провалился в сексапильные колготки – единственную нижнюю часть туалета. Она негромко матюгнулась.

– Капитан Данилова?! – Центр всегда настороже.

– Одевать бы нас попроще! Нарядили как блядей, оружие пристроить некуда.

– Таковы особенности вашего задания...

– Так все равно же ничего не видно! Ночь!

– Жалуйтесь своему руководству.

– Пожалуюсь. Прошу сразу включить в рапорт мое недовольство экипировкой. Сержанту Чачаве придется снимать юбку, чтобы лезть через забор, в присутствии разнополго сослуживца, это унижительно. Манана! – Наташа достала пистолет и запихнула его под мышку, прижала. Все равно не видно, у крыс ведь нет ПНВ. – Принеси, пожалуйста, водички!

– Ты тоже не хочешь танцевать голая при луне? – Манану одели еще хлеще, чем Наташу, и теперь она отчаянно спотыкалась на высоченных каблуках. – Ептель... Ноги переломаю тут. Свои красивые длинные ноги!!! – проорала сержант Чачава в темноту.

– Хватит, Чачава, – устало попросил Центр. Тишина. Шумит листва на деревьях, шуршат шины пролетающих по МКАД автомобилей, но эти звуки лишь часть тишины здесь, почти в самой сердцевине Москвы. Нет здесь никаких крыс, нет, как и в предыдущих местах. Пустая ночь. Может, в самом деле голыми поплясать? Хоть будет что вспомнить.

– Пить хочется! – напомнила Наташа.

– Не пойму, куда бутылка делась... – Манана возилась в машине. – Иди сюда, Наташ, а то я юбку порву. Жалко же, – добавила она через «индивидуалку».

Конечно жалко! Одевались за казенный счет, в своем на задание никто бы не пришел. Но вещи в их распоряжении уже две недели, срок возврата окончился, так что они теперь как бы тоже стали своими. Манана в юбке ниже колен действительно выглядит привлекательно... Данилова представила сержанта на танцполе, фыркнула. – Иду.

– Будь проклят тот день, когда я сел за баранку этого драндулета! – подал голос и Андрей. – Центр, сколько мне еще раком стоять?

– Я скажу, когда хватит, – ласково пообещала незнакомка.

Наташа подошла к «Ниве», ласково отодвинула Манану и вошла в салон. Бутылка оказалась под сиденьем, сержант элементарно поленилась ее найти. Сделав несколько глотков из самоохлаждающегося сосуда, Данилова выглянула наружу:

– Будешь, Андрей?

– Попозже. Ты не поможешь мне тут немного?

От него прилетело маленькое облачко табачного дыма. Вот хитрец! Спрятал голову под капот и курит там. Может быть, и правда помочь?.. Нет, уж очень это вызывающе будет выглядеть.

– Справляйся сам, Андрюшка... – Наташа ступила на траву, сделала несколько шагов, еще немного отпила.

Манана в это время двинулась через полянку к кустам. Луна и в самом деле выглядела роскошно, вот только была какой-то маленькой. На экранах уж если луна – так луна, а это... Детский мячик подбросили. Хотя все равно красиво. Манана что-то крикнула, Наташа не разобрала, зато через «индивидуалку» отчетливо слышалось журчание. Ох уж эта работа под прикрытием, ни икни, ни пукни.

– Фак! – вдруг почти взвизгнула сержант и одновременно выдернулся из-под капота Коваль, сигарета предательски прилипла к губе. По ушам ударил странный, похожий на короткий резкий вой звук, и в руке Наташи сам собой оказался пистолет. – Крысы, Наташка!!! Аи! «Гром», «Гром»!

Манана закричала во весь голос, а потом вдруг умолкла. Стих и громкий треск в кустах.

– «Гром»!! – повторила Данилова, с пистолетом в вытянутой руке делая первый шаг. Что же они тянут, ублюдки?! – «Гром»!!

Свет не вспыхнул. В темноте Андрей кого-то углядел, начал стрелять. Данилова, проклиная неуклюжие сабо, обегала машину, а в темноте уже кричали от боли. Не успела она порадоваться за товарища, как рядом с Ковалем что-то ярко сверкнуло. Перед тем как ослепнуть, в короткий миг Наташа успела увидеть, как лейтенант взлетает в воздух, нелепо размахивая руками, как откидывается назад его полуоторванная голова. Уже падая, Данилова услышала взрыв, осколки звонко секли «Ниву».

– Манана! – Она старалась проморгаться, вернуть себе способность различать хотя бы силуэты. – Манана, ответь!

– Сержант Чачава – громыхал Центр, перекрывая зов Даниловой.

Сержант Чачава не отвечала, уже не могла ответить. Сбросив неудобную обувь, Наташа выскочила из-за «Нивы», стреляя наугад. Очень важно достать хоть одного, а потом на крик, на звук... Со всех сторон висел слепящий туман, ревели сирены. Она перепрыгнула через труп Ковалю.

– Данилова, остановитесь! Вы мешаете группе захвата!

– Сука!!!

Вот и Манана. Юбка на щиколотках, трусики тоже, а горло перерезано, и там, в кровавом зеве, что-то еще... Над поляной затрещали выстрелы, издали послышался низкий рокот. Некуда бежать. Наташа присела над телом, заслоня лицо от прожекторов, всмотрелась. Крысы не пожалели времени, выдернули язык снизу, через рану. Зачем?

– Данилова, оставайтесь на месте! Подтвердите факт потери!

– Лейтенант Коваль мертв, сержант Чачава мертва, подтверждаю. – Приближался вертолет, вот уже зашевелились волосы. Наташа вытянула в сторону правую руку. – Указываю место посадки. Медицинской помощи не требуется.

– Врача Даниловой! – приказала кому-то женщина из Центра. – Я вижу кровь, слева!

Наташа недоуменно осмотрела левую руку. Действительно кровь. Короткий рукав топики разорван, что-то твердое застряло в мышце.

– Это осколки, – пожаловалась Данилова подбежавшим людям, но в рокоте лопастей вертолета ее не было слышно.

Покидать место нападения крыс Наташа отказалась, да никто особенно и не настаивал. В большом кунге, чудом проехавшем на поляну, ей сделали перевязку. К пластическому хирургу можно и утром, а пока Данилова потребовала сигарету.

– Я не знаю... – растерялся врач. – Наверное, на улице можно. Вы ведь уже не совсем на задании...

– Сигарета есть или нет? – Наташа начала звереть.

– Я не курю на службе.

– Ну и иди к чертям! А где тела?

– В морозилке, – совсем смутился медик. – В соседнем отсеке, но туда нельзя без разрешения майора Новикова, вы его отыщите сначала.

Наташа ничего не ответила, выпрыгнула в приоткрытую дверь. Ее сильно шатнуло – не от потери крови, просто от пережитого. Вокруг бегали люди, множество задействованных в операции людей. Почему они не сберегли двух полицейских? Совсем недалеко стояла «Нива», тел действительно уже не было.

– Где майор Новиков? – Здоровой рукой Наташа схватила за воротник пробежавшего мимо парня в форме патрульного.

– Кто? – удивился тот, хотел вырваться, но вдруг увидел повязку. – Извините. Я сейчас поищу. Вам нехорошо?

– Нет, мне отлично! – фыркнула Наташа, отпуская патрульного. – Иди, найди этого майора, скажи: капитан Данилова хочет попрощаться с друзьями. Потом вернись и помоги мне найти «морозилку».

– Я только отпущусь у лейтенанта... – Патрульный помахал какими-то бумажками и исчез.

Наташа опустилась на траву. Ей показалось, что повсюду кровь. Вряд ли... С телами у нас поступать умеют: мигом отснимут со всех сторон, зафиксируют время, пробормочут на диктофон заключения экспертов и упакуют в пленку. Потом подпишут акты. Вся суета, творившаяся сейчас на поляне, посвящена именно актам – активируется все! Погибли полицейские из Седьмого Особого, пора прикрывать задницу. Где располагались группы огневой поддержки? Акт. Как проморгали приближение крыс наблюдатели с ПНВ? Акт. Почему прожектора включили не сразу? Акт. Да не один, много актов, чтобы занять круговую оборону, и на каждом «живые» подписи. Отказывается кто-нибудь подписать? Активировать отказ!

Плечо начинало ломить, оттаяла анестезия. Ни одного знакомого лица вокруг, но все оббегают сидящую на траве женщину с пятнами крови на модном топики, все понимают, кто она. Наташа оглядела себя. Да, вид что надо... А где пистолет?.. Нет, не потеряла!

– Майор Новиков разрешил! – Патрульный вернулся в тот самый момент, когда Данилова отошла чуть в сторону – подтянуть надоевшие колготки. – Хотите, подержу пистолет?

– Подержи себе в штанах что-нибудь. Как тебя звать?

– Сергей Мартиросян, старший сержант Семнадцатого...

– Сережа, ты «Ниву» видишь? Вот где-то недалеко от нее, быть может, остались лежать мои сабо. Это обувь такая блядская, – уточнила Наташа, заметив недоумение патрульного. – Поищи, будь другом, и принеси к «морозилке». Где она?

– Вот, посредине кузова дверь. – Вежливый Мартиросян чуть ли не подал ей руку.

– Спасибо.

Поднявшись на сброшенное железное крылечко, Наташа оглянулась. Сергей бродил вокруг «Нивы», шлем он теперь держал в руке. Симпатичный блондинчик с мягкими скулами, аккуратным носом, «индеец». Надо будет удержать его при себе. В «морозилке» толклись, о чем-то тихо споря, человек пять, у каждого в руке бумажки – акты, акты.

– Где Коваль и Чачава? – спросила Наташа у пожилой женщины с по-восточному раскрашенным лицом.

– А вы кто? – нахмурилась она и расправила плечи, чтобы виднее были капитанские погоны. – Барышня, тут не бульвар.

– Это Данилова... – шепнул ей полный мужчина. Наташа не стала тратить на вредную бабу времени, отпихнула ее здоровым плечом и вошла. В топике, под которым у нее были только похабные тату, выглядывавшие из многочисленных вырезов, сразу стало холодно. Голубые огоньки горели над двумя ящиками.

– Отойдите! – Она ухватила сразу за обе ручки, вдавила кнопки.

– Новиков разрешил... – послышалось сзади. – Идемте.

– Ну все равно так нельзя, – отчетливо произнесла медичка.

Данилова наполовину вытянула ящики, откинула пленки. У Андрея горло разорвано взрывом, у Мананы разрезано от уха до уха. Язык сержанта по-прежнему выглядывал в прорезь.

– Сволочи. – Наташа погладила Манану по щеке. – Я их найду, если еще живы. А ты, Андрюша, сберег для меня сигареты?

Пачка «Давидовф» в кармане рубашки почти не пострадала. Задвинув Манану, Наташа занялась обыском карманов лейтенанта в поисках зажигалки.

– Позвольте, капитан Данилова, а чем это вы занимаетесь?

– Включите в рапорт. – Наташа помахала перед медичкой добычей и бедром задвинула легко скользнувший в паз ящик с телом. – Или в акт. Я буду снаружи, подпишу.

– Нет, минуточку! – Та загородила дорогу, но Наташа шутить не собиралась, несильно стукнула вредную бабу босой пяткой под колено.

– Уйди, дура! Три дня до пенсии не доживешь!

Снова оказавшись на траве, Данилова поторопилась закурить. Мало ли психов – и в самом деле заберут сигареты. Сергей уже ждал, как-то по-собачьи держа перед собой сабо.

– Их активировали уже, опечатали, но я сказал: вы босиком. Отдали, только я расписался. Как бы за вас, понимаете?

– Да не волнуйся, не пропадут. – Наташа влезла в глупые шлепки на платформе. – Курить хочешь?

– Я на службе.

– Ну и дурак. Что там творится, догнали крыс? Вообще расскажи, как все произошло.

– Ну... – Сергей покрутил в руке шлем, нахмурился, потом заговорил быстро, четко: – Мы просто дежурили на шоссе, в километре к северу. Когда прошла команда «гром», перекрыли движение, а скоро нам и «отбой» дали. Я с лейтенантом приехал сюда, чтобы задокументировать все как полагается, и, пока толкался здесь, кое-что слышал. Было четыре

группы поддержки плюс наблюдатели, прожектора, снайперы, вертолет в воздухе, все как обычно. Крысы появились неожиданно, сержант погибла мгновенно. Никто их не видел, и заранее в кустах они оказаться не могли – вся местность зачищалась заранее. Поэтому со светом вышла накладка, опоздали на несколько секунд... Они ждали команды от наблюдателей, а получили от вас, понимаете? А может быть, это Центр не передал вовремя, тут еще не разобрались. Только лейтенант успел сориентироваться и застрелить одного.

Зато крысы все поняли сразу, использовали осколочное взрывное устройство и пошли к парку. Тут их увидели снайперы, а потом и свет зажгли, пошел плотный огонь. Двое крыс не добежали до ограды, зато...

– Сколько их было? – прервала его Данилова, вытаскивая из пачки вторую сигарету.

– Крыс? Я не знаю. Думаю, не больше десяти.

– Да хоть бы четверо! Почему кому-то дали уйти, как это возможно?!

– Я не знаю, – тихо повторил Сергей. – Но в ограде оказалась дыра, лаз, которого не было днем. В парке тоже сидела группа прикрытия, и снайперы на деревьях, но мне кажется... Они прошли их. И по-моему, есть раненые, я видел здесь носилки только что.

– Отлично... Вот что, сделай для меня еще одно доброе дело: найди кого-нибудь из Седьмого. Они, наверное, надеются, что я сама домой уехала или сдохла здесь по-тихому.

Старший сержант Мартирисян исчез, мгновенно затерялся в темноте. Темноте?! Да, за время их разговора успела погаснуть половина прожекторов. Наташа медленно пошла вдоль госпиталя на колесах, у кабины наткнулась на полицейского в камуфляже, с перевязанной рукой. – Хочешь? – протянула ему сигареты.

– Спасибо. – Боец прикрыл ладонями от несуществующего ветра огонек протянутой зажигалки. – Кто такая будешь?

– Из Седьмого, с нас весь бардак начался.

– Повезло тебе. А выглядишь симпатично! – Полицейский хамовато усмехнулся наряду Наташи.

– Тебе тоже повезло.

– Лучше и не скажешь. Я за оградой лежал, выцеливал. А у крыс – арбалеты. Один болт в винтарь, так что пальцы едва не оторвались, один в ключицу, один прямо перед лбом о прут ограды срикошетил. Веришь?

– Верю. Не верится, что ты выстрелить не успел.

Он несколько раз молча затянулся, огонек сигареты подсвечивал плохо выбритые щеки.

– Понимаешь... Не люблю я в пустое место стрелять. – Снайпер опять помолчал, из-за кабины госпиталя кто-то его окликнул. – Пора. Адресок мой не запишешь?

– Стань хотя бы майором сначала.

– Ага... Они то есть, то нет, понимаешь? Надо их шквальным огнем сносить, по площадям лупить. А иначе не выйдет, это же не обычные крысы, слышал я уже о таких. Спасибо за табак, я пошел.

Наташа сплюнула ему вслед. «Корчит из себя вояку, а на деле – бежали прямо на него, и не попал. Вот и самец, весь из себя в камуфляже, небритый, при оружии. Проститутка. Лучше бы тебе в лоб этот болт прилетел!»

– Наташенька! – Из уже почти полной темноты вылетела Насырова, обняла. – А я, дура, думала, ты с Тофиком уехала. Он же был здесь, сволочь, не нашел тебя, значит. Ты что, куришь? Ну и правильно, расслабься.

– Хочешь сигарету? – Наташа отстранилась, как могла мягче. – Это Андрея, я уже из «морозилки» забрала, имей в виду. Там какая-то капитан чересчур непонятливая, пришлось...

– Разберемся, – отмахнулась подполковник. – Мне курить нельзя, ты же знаешь. Я теперь до утра буду при исполнении. Прикрытие не сработало, а валить все будут на Седьмой, операция-то наша.

– Рая, неужели кто-нибудь из них ушел?

– Похоже на то, – вздохнула Насырова. – В парке они оторвались, но ведь никуда не денутся, сейчас по периметру уже развернулись посты. Выловят! Наверное... – неуверенно закончила она.

– Это похоже на то, что было в прошлом году. – Наташа закурила третью. – Правильно? Когда убили Шангу и Игоря.

– Сейчас еще рано говорить.

– Где тела крыс? В «морозилке» только наши.

– Тофик увез в Центр. Именно потому, что... Очень странно все. Я в дороге слушала переговоры, все растерялись. – Насырова замолчала, дав пройти мимо группе переругивающихся техников, продолжила, понизив голос: – Снайперы почти не стреляли. Не знаю, как их начальство будет оправдываться, но, судя по переговорам, они не видели целей. Поэтому Тофик выцарапал тела и сразу погнал к экспертам. Ты же знаешь, он очень переживал за тот прошлогодний случай. Все очень похоже и... Поговорим с тобой завтра, приезжай, как только сможешь.

– Ептель! – Наташа зло затушила сигарету о кузов. – Выходит, мы в тот раз не всех нашли! А при чем тут эксперты, Раиса?

– Тофик хочет понять, те ли это крысы. Может быть, тогда мы вообще никого не нашли... Или нашли не тех. Мне надо идти, Наташа, подождешь меня? Пименов требует всех на разбор, но это не будет долго.

– Нет, я поеду... МКАД рядом, доберусь.

Простившись с Насыровой, Наташа не успела сделать и нескольких шагов, как наткнулась на Мартиросяна. Патрульный явно ожидал дальнейших распоряжений.

– Сережа, а у тебя транспорт есть? – По праву женщины капитан обняла его за талию, хлопнула по ягодице.

– Мотоцикл, – с готовностью откликнулся Сергей. – Только без коляски. Смена у меня кончилась, могу отвезти вас домой.

– Можно на «ты».

Они прошли сквозь ряды злополучных деревьев, расстояние между которыми, возможно завтра, все равно будут измерять. Для акта. По МКАД в обычном порядке двигались машины, их фары высвечивали застывшую у обочины полицейскую спецтехнику, разнообразную и бессильную. Сергей покашлял:

– Наденьте, пожалуйста, шлем, У меня нет запасного, но мы поедem медленно, и я...

– Во-первых, говори «надень». Во-вторых, не бойся, если с постов на тебя пожалуются, я заступлюсь. Скажу, что приказала. В-третьих, спасибо. – Наташа нацепила шлем патрульного, опустила стекло. – Садись, нам далеко ехать, в Строгино. И может быть, свяжешься с домашними?

– Зачем?

– Скажешь, что задерживаешься. До утра, например.

– Я... – Сергей сел на мотоцикл, опять прокашлялся. – Я один живу. А знаете... Знаешь, у меня тут совсем близко квартира.

– Я в чужих квартирах не сношаюсь, Сережа.

Наташа обняла спину слегка ошалевшего патрульного и даже пожалела, что надела шлем. Сейчас бы прижаться щекой к теплому мягкому кожаменителю, вздремнуть... Как Манана. Обязательно надо найти этих крыс или суперкрыс, кем бы они ни оказались. Полицейских не убивают безнаказанно, это больше чем закон.

Когда мотоцикл тронулся, она подумала, что, хотя на чужих записях оказаться не желает, свою камеру надо включить обязательно. Симпатичный парень, услужливый, да еще выглядит как стопроцентный «индеец». Вот только... Она вспомнила про «индивидуалку» и сорвала с уха клипсу. Настало время расслабиться, до близкого уже утра осталось немного времени на личную жизнь.

Съезжая с МКАД в жилые кварталы, Сергей переключился на электропривод. Почти бесшумно прокатившись по безлюдным, слабо освещенным улицам, они быстро достигли дома Наташи. Она похлопала водителя по плечу, тот послушно подрулил к самому подъезду. У открытой двери настороженно вытянулся консьерж – старик почему-то обожал ночами торчать снаружи.

– Можно здесь мотоцикл оставить?

– Не упрут, не волнуйся. – Наташа отдала патрульному шлем, первой поднялась в холл, приветственно махнув рукой консьержу.

– Добрый вечер, госпожа Данилова, – посторонился он. – Добрый вечер, господин.

Старик давно ни на что не годился, но закон о трудоустройстве не позволял от него избавиться. Что ж, пусть сидит здесь. Лифт сразу раскрылся. Всю дорогу до четырнадцатого этажа Наташа рассматривала себя в зеркало. Сильно пострадавший топик, переливающиеся, драные на левом колене колготки, сабо...

– Нравится мой костюмчик?

– Ну... Это не ваш. Не твой.

– Нравится, я знаю, всем вам такое нравится. Не бойся, я не обижусь – вошла в образ.

В холле у лифта сильно пахло табаком, несмотря на открытое окно. Сосед Артем как раз в это время суток любил предаваться порокам в общественном месте. Капитан Данилова не только знала об этом, но иногда даже присоединялась.

– Свинья какая-то! – сморщил нос Сергей. – Вызвать бы наряд, пусть проверят весь подъезд на никотин.

– И меня тоже, да? – Наташа распахнула дверь в квартиру. – Входи. Сейчас ночь, если кому в форточку и надует – не почувствуют.

– Вот в этом и свинство! – не мог успокоиться патрульный. – Получается, люди уже спать не могут в безопасности, даже летом без фильтров дышать невозможно.

– Да, да... Иди мой руки, только быстро, не занимай долго ванную.

Наташа зажгла свет, прошла в дальнюю, маленькую гостиную. Вот сейчас бы поваляться прямо на эту кушетку, чтобы белья не пачкать, и уснуть как есть... Нет, нельзя расслабляться, с утра пора приниматься за дело. Месть крысам – вот что теперь самое главное. Она содрала с себя безнадежно испорченное тряпье, скинула ненавистные сабо, потом прошла в спальню и запихнула пистолет под кровать.

– Хочешь, я кофе сварю? – Сергей стоял в дверях, комкал в руках бумажное полотенце и изображал полное отсутствие интереса к голой хозяйке.

– Не перестарайся только, – буркнула Наташа, проходя мимо.

– Что?... Сварить, да?

– Нет, не надо кофе, хватит с меня и сигарет. На кухне есть бар, а на его дверце – рецепты. Смешай мне «Анисовый», себе что хочешь. Только не напейся!

– Я не пью. – Полицейский шел за ней. – У меня не совсем правильная реакция на спиртное, так что если можно, то сварю себе кофе и покурю немного.

– Ладно. – Наташа задержалась у входа в ванную. – Оружие у тебя есть?

– Нет, нам же нельзя домой забирать! – Сергей рассмеялся. – Я сегодня ствол даже не получал, а то бы пришлось заезжать в участок.

– Дисциплинированный. Молодец.

Она прикрыла дверь, не глядя набрала код. Хорошо дома – пятая программа была рассчитана как раз на такое состояние. Сначала теплая вода, постепенно переходящая в горячую, потом с легким контрастом холодная, почти до ледяной, опять горячая, немного, и снова теплая. Наташа уперлась руками в стенки душевой, подставив себя под бьющие со всех сторон толстые нежные струи.

Почему Манане вытащили язык в разрезанное горло? И надо обязательно узнать, на месте ли оружие. Не спросила, ничего не спросила! Это последствия шока. Граната. Если бы Наташа оказалась ближе, ее разорвало бы как Андрея. И если бы «Нива» не закрыла от осколков... Она вспомнила про повязку, потрогала руку. Вроде бы доктор не схалтурил, воду не пропускает.

Силы постепенно возвращались. Наташа выпрямилась, погуляла по кабинке, погладила колючий лобок. Стоило бы всерьез заняться собой, включить эпилятор, но это утром, Сергей потерпит. Или выгнать его?.. Почему-то там, на проклятой поляне, захотелось секса. Данилова сунула в рот зубную щетку. Механизм заурчал тихонько, завибрировал – у него много работы, это потому что курила.

Программа отработала свое, струи опали. Зеркальные стены душевой мгновенно высохли, Наташа оглядела себя. Для нерожавшей женщины тридцати восьми лет очень неплохо, не зря на нее косятся соседки. Работа в полиции сопряжена с посещением спортзала, а это почти та самая презренная «забота о внешнем». Даже некоторые мужчины на улице смотрят осуждающе – думают, что Наташа хочет им понравиться. Наплевать, главное – нравится себе.

– Лицо в починку еще рано, – поделилась со своим отражением капитан Данилова. – Глаза оставим карие и волосы как есть.

Волосы Наташа не красила, оставляла темными, только стригла очень коротко. Это шло к высокому черепу и длинной тонкой шее, жаль только плечи от возраста и тренировок немного округлились, потеряли юношескую угловатость. Умеренной температуры воздух уже досушивал светло-коричневую кожу, лишь немного подправленную пигментами, – естественный желтоватый отлив Наташе не нравился.

– А эпилятор пусть отдыхает, перебьется наш «индеец»... – Данилова вышла из ванной.

По квартире и в самом деле распространился аромат только что сваренного кофе. Хозяйка прошла на кухню и с неудовольствием посмотрела на Сергея, осторожно делающего первый глоток. Недокуренная сигарета лежала под колпаком фильтратора.

– Долго ты возился!

– Джеззу искал, – виновато заморгал патрульный. – Но коктейль я смешал, он в спальне, на тумбочке.

– Это правильно, только давай-ка иди, мойся, я не собираюсь тебя часами дожидаться! Пять минут тебе. Кофе потом допьешь.

Данилова демонстративно фыркнула и ушла в спальню. Излишняя хозяйственность тоже может быть утомительна. Дай ему волю – он еще и до пирожных доберется, потом завалится в ванну с массажем, а женщина будет ждать, со сном бороться. Самец, что с него взять... Постель он тоже, конечно же, не разобрал. Наташа стащила покрывало и улеглась, вытянув ноги поверх одеяла. Перина не спеша подстраивалась под ее вес и положение. Надо бы было добавить упругости, но лень. Она дотянулась до бокала, попробовала.

– Терпимо, – вынесла вердикт Наташа и все-таки взяла пульт – включить камеру сразу, чтобы потом не забыть. – Терпимо, но лучше бы я смешала сама. Если задержится дольше десяти минут, усну.

Мысли все крутились вокруг языка Мананы. Крысы какие-то особенные, необычные, пугающие. Снайперы их не видят... Что за чушь?! Мутанты в городе, ужасы в новостях. За полтора года существования Седьмого Особого отдела их оперативные группы побывали

на сотнях таких заданий. И только один раз все пошло наперекосяк, только один раз полицейские погибли. Тогда сменили руководство, усилили почти в три раза прикрытие, и вот теперь опять.

– А ведь все забыли, только Тофик помнил... – Наташа побегала пальцами по пультам – чуть прикрыла окно, расправила шторы.

Не дождавшись рассвета, хриловато запела какая-то самая ранняя птица. Зачем Наташа притащила сюда этого Мартиросяна? Надо было сразу лечь и уснуть, а утром, после врача, пойти к Насыровой. Пусть Раиса расскажет, что у нее там накопилось по крысам, пусть отдаст всю аналитику. Наташа имеет на это право, ведь двое ее подчиненных улеглись в ящики «морозилки».

– Не даст... – Данилова допила коктейль, закатала бокал под кровать, чтобы не тянуться опять к тумбочке. – Не даст, потому что оперативник аналитики знать не должен. Лучше бы я эксперта в постель затащила, а не патрульного...

– Ты что-то сказала? – Сергей вошел почти бесшумно, перед собой он нес аккуратно сложенную форму, как будто случайно прикрываясь ею.

– Чепуха. – Наташа сползла пониже, раскинула ноги. – Иди ко мне, уже вставать скоро.

Патрульный бросил на ворсистый ковер одежду, подобрался к хозяйке. Он очень старался успокоить дыхание, но из этого мало что получалось. Наташа не без удовольствия подумала, что действительно ему нравится. Самцу все равно, она или другая с похожим телом, – и все же это было приятно.

– У тебя свои волосы? Ничего с ними не делал?

– Нет, – хрипло буркнул Сергей.

– Какой ты белый... Просто классический «индеец», русачок. Не обижаешься? – Наташа поправила его руки, провела пальцем по груди, лобку мужчины. Про эпиляцию не забыл, внимательный.

– Я не обижаюсь. Только какой же я индеец? Я Мартиросян, это нерусская фамилия.

– Зато я – Данилова! – засмеялась Наташа. – Не в фамилии же дело. Хватит... Где ты там? Вставляй.

Пару минут она просто гладила его по спине, ощущала ладонями подрагивающие мышцы. Сергей старался быть нежным, но это только раздражало. Да и к чему так пыжиться? Вагинальный оргазм Наташу никогда не интересовал. Решив понемногу заканчивать, она взялась помочь себе пальцем и тут же замерла.

– Стой... Отойди.

Сергей испуганно выскользнул, отполз. Наташа села, потеряла виски:

– «Сицилийский галстук». – Что?

– «Сицилийский галстук», вот как это называется, когда горло режут так глубоко, чтобы можно было вытащить вниз язык. С Мананой поступили именно так, и очень быстро, сноровисто. Значит, был опыт, верно? Опыт и знание о такой штуке. Надо поговорить с экспертами, аналитиками.

– Ясно... – Сергей робко погладил ее по бедру. – Тогда...

– Да отстань ты, не будь самцом. – Наташа сбросила его руку. – Не идет у меня из головы сегодняшняя история, так что извини, хватит. Смешай мне еще, только чуть меньше водки.

Патрульный вышел, она услышала его вздох в коридоре. «Вот еще, вздохать собрался! Можно подумать, кто-то перед ним в чем-то провинился». Наташа замоталась в легкое одеяло, оперлась локтем на спинку кровати. Сон куда-то ушел, за окном голосило уже несколько птиц.

– Я вот все думаю... – Сергей вернулся, прикрывая неуместно теперь торчащий член рукой с бокалом. – Наталья, а откуда берутся бомжи?

– Во-первых, я не Наталья, я Наташа, так меня зовут. Во-вторых, не произноси гадких слов в моем доме, пожалуйста.

– Прости! Ну, я хотел сказать – крысы. Ведь Москва на спецрежиме, значит, попасть они сюда не могут.

– Крысы все могут, – поучительно сказала Наташа. «Анисовый» в этот раз действительно удался лучше. Способный парнишка. – Это ты не пройдешь ночами сотни километров, днем под кустами отлеживаясь и питаясь всяким дерьмом, а они пройдут.

– Да зачем? – Патрульный прилег, полуотвернувшись от хозяйки. – Пусть бы жили там, где... Ну, где-то же ведь они жили? А их будто что-то тащит в Москву. Здесь им на улицу даже ночью не высунуться; дня не проходит, чтобы какое-нибудь их логово не накрыли. А они все не переводятся почему-то... И кстати, пройти через режимный Кордон не так-то просто, я его видел месяца два назад. Полоса оборудована как следует, по крайней мере в районе Можайска. Я спрашивал – случаев попыток перехода почти нет.

– Тебе никто не обязан отвечать, – поморщилась Наташа. – Спрашивал он!

– У тебя другая информация? – Сергей подождал, но хозяйка молчала. – Недавно пятеро стариков сдались. Все грязные, вонючие, испитые. Вышли прямо на нас и сами попросились в приемник. Говорили, что завелись такие твари в городе, что страшно стало жить.

– И ты поверил?

– Я просто... просто хочу тебе помочь. Ты же думаешь об этих странных крысах? Подошли незаметно, а потом вырвались из кольца, затерялись в парке. В самом центре города! Вот если бы мне такое рассказали, я бы точно не поверил.

– Да, – рассеянно согласилась Наташа, закатав еще один опустевший бокал под кровать, к первому. – Ты бы это... Я вижу, уgomониться никак не можешь? Иди в ванную, не стесняйся, сделай там себе что нужно. Только аккуратно, не испачкай ничего.

– Нет, не хочу! – Сергей с досадой отмахнулся, перевернулся на живот. – И откуда у них такая жестокость? Ведь крысы часто нападают просто так, даже ничего не берут. Просто убьют, да еще и помучают, если успеют... Я за год работы насмотрелся.

– Сколько тебе?

– Двадцать три. Однажды нашли в трубе... Ну, это под шоссе такая труба, чтобы ручей тек. Нашли тело без рук, без ног. Зачем все это? Наташа, мне сказали. Недавно... Один человек. Сказал, что бомжи, то есть крысы, прости! Что они по большей части местные. Москвичи, здесь родились и выросли. Сказал, что конвоировал в приемник группу и там встретил старого знакомого. Говорил с ним. Это правда?

– Почему ты меня об этом спрашиваешь?

– Ты ведь из Седьмого, вы все знаете про крыс.

– Я простой оперативник. – Наташа устроилась на подушке. – Да, хоть и капитан. Нам звания за дело давали, а не за ум. Седьмой Особый создавали именно под войну с крысами, когда они совсем стали наглеть, тогда же и спецрежим ввели. Москвичи становятся крысами... С чего бы это, Сергей? У тебя кто-нибудь из друзей разве стал крысой?

Патрульный вздохнул, подполз чуть ближе, осторожно положил голову на живот Наташе.

– Нет, но один парень из школы пропал. Наверное, его убили... Говорят, многие пропадают.

– Говорят!

– В Москве тридцать миллионов населения. Каждый год приезжает миллион и уезжает столько же. Это я из новостей знаю... Откуда-то берутся крысы, их забирают в приемник, но появляются новые. Раньше такого не было. Раньше их и не трогали почти, я помню. Потому что раньше они не нападали, не убивали, не жрали людей.

– Ты наслушался сказок... – Наташа стала гладить его по пушистой голове. – Я, офицер Седьмого Особого отдела, Крысятника, ничего не слышала о людоедстве.

– Я видел тело мужчины. Его привязали к дереву, прямо в квартале, и вырвали сердце. Сердце не нашли. – Сергей жалобно посмотрел на Наташу, в сумерках блеснули глаза. – Я знаю, что не нашли, половина нашего батальона обшаривала округу.

– Это скорее всего не по нашей части. Город у нас большой, как ты верно заметил, и орудуют здесь не только крысы. Сектанты, просто сумасшедшие... Иногда и без почек, и без глаз находят трупы – ты же не думаешь, что их кто-то съел? Подпольная пересадка органов тоже бизнес; к сожалению, это вот не сказки.

– Ему вырвали сердце, – угрюмо повторил Сергей. – А рот заткнули, и поэтому я думаю, что вырывали заживо. Он там жил, в этом квартале, возвращался с работы. Мне страшно.

– Что?! – Наташа села, оттолкнула голову патрульного. – Что ты сказал? Ты же полицейский!

– От этого страшнее. Я знаю и вижу, а остальные нет. В новостях ведь этого не показывают, и нам всегда первое задание – очистить место преступления. Поэтому и сердце так долго искали... У нас в батальоне говорят, что все чаще эти вещи происходят, что крыс становится больше.

– Ох ты, бедненький... – Наташа встала, вышла из спальни, оставив Сергея в полном недоумении.

«Трусливый полицейский, надо же. Докатились! Раздувают штаты, а людей подходящих нет. Никто не хочет возиться в грязи, шляться ночами по улицам в блядской одежде или торчать на перекрестках, выслеживая крыс». Наташа зашла в гостиную, описала по ней бесцельный круг, задержалась у окна. Луна уже спряталась куда-то, вода перед рассветом казалась серой, угрюмой. Но кто-то уже плескался у берега. Она смешала себе еще одну порцию, твердо решив, что это последняя.

– Сергей, а зачем ты тогда пришел в полицию?

– Учусь. – Он сидел по-турецки на краю постели. – Нам же скидки дают. Вообще-то я стану химиком. А ты?

– А у меня просто так вышло. Когда с человеком просто так выходит, что он на каком-то месте оказывается, то это и есть его место. Ну а еще мы все, как ты знаешь, освобождены от деторождения. Пустяк, а приятно.

Сергей мотнул головой, потянулся, хрустнув суставами.

– Мне уйти, да?

– Если это тебя не обидит. А хочешь – постели себе в гостиной.

– Да нет, спасибо, я поеду... – Он поднялся, споро оделся в темноте.

Наташа отхлебывала из бокала, опершись о стену. Спать совсем не хотелось.

– Прости меня, ладно, Сережа?

– Я понимаю! – Он подошел, слегка обнял, осторожно поцеловал. – Такой день – тебе надо расслабиться. Спи.

– Я тебе позвоню еще. – Наташа проводила патрульного до двери.

Он задержался, подняв с пола шлем:

– Знаешь... Ты постарайся о них не думать, ладно? Зря я это все наболтал.

– Ты про крыс? – Она легонько развернула его и вытолкнула в холл. – Никто из них не будет жить, ты понял? Никто. И даже если мне скажут, что убили всех, я продолжу искать. Потому что... потому что так уже было однажды.

Наташа закрыла дверь, прошла на кухню, села на подоконник. Отсюда было хорошо видно, как патрульный вышел из подъезда, сел на мотоцикл и медленно поехал в сторону МКАД. Управление служебным транспортным средством под воздействием легких нарко-

тиков, отметила про себя Данилова. Какой ты ни на есть правильный и нежный, а не нарушая законов, жить просто нельзя.

Она залпом прикончила коктейль, пробежала в спальню и с размаху кинулась на постель. Спать четыре часа! Потом почистить оружие и искать крыс.

ГЛАВА ВТОРАЯ ЧУЖОЙ ТАБАК

Лейтенант, теперь уже наверняка бывший, ушел из парка аттракционов пешком. Самый надежный способ вырваться из облавы, ведь охотники первым делом перекроют станции, выставят кордоны на шоссе. А сейчас он двигался тихими зелеными дворами, улицами частного сектора и с каждым шагом увеличивал площадь, которую придется полностью блокировать, чтобы взять Живца. К ночи какой-нибудь офицер муниципальной гвардии устанет рисовать на карте расширяющиеся круги и поймет, что настоящий круг там давно нарисован, – это кордон, опоясывающий Москву.

Да, из города выбраться не получится. Впрочем, это не пугало Дмитрия – здесь, в гигантском мегаполисе, достаточно просторно. Как верно подметила Снежинка, за последние годы он нечасто появлялся в Москве, только на день-два, чтобы выполнить задание, но личных схронов здесь имел около десятка.

Уходя, Живец не оглядывался с опаской, не пытался предвидеть действия врага. Нет, он полностью доверился своему чутью. Если оно подведет – уже не спастись, никакой профессионализм не поможет. И потом, сегодня ему тоже противостоят профессионалы. Действия Снежинки они могли предвидеть, а вот его, пожалуй, нет.

Следовало решить, как поступать дальше. Скрыться нетрудно, но зимой станет хуже, а потом кончатся припасы, средства на картах, тем более что половину из них наверняка уже заблокировали. Это Снежинка не знала, куда увезли терехинские бойцы дела и аппаратуру, а Живец знал. На одну из баз Милоша, больше некуда. И туда же скорее всего попадет вся начинка из Башенки. Дмитрий даже мог предположить, что разбираться с добычей никто не станет.

Какой смысл ликвидировать сотни людей, которые слишком много знали, если потом их знания перейдут к другим? Нет, все свалят в кучу и уничтожат. Вот только касающееся Живца мэр отложит в сторонку, лично просмотрит и передаст своим охотникам. Там и маршруты, и квартиры, и, конечно, все приметы с психологическим портретом в довесок. Вот только портрет не похож.

Дмитрий зашел в очередной парк с прудом и от души саданул ногой по невинной сосне. Все из-за Плещеева! Это он подставил Живца, отправив к Насыровой, ведь до этого лейтенант даже не входил в группу по мутантам. Мог бы сейчас спокойно курить на лестнице в СПР, ожидая назначения нового начальника, такого же фигурального, как полковник Плещеев. А теперь Милош, так многим обязанный Живцу, ищет его, чтобы уничтожить. Он привалился к следующей сосне, постоял, чтобы немного успокоиться. Вокруг пели птицы, доносились выкрики волейболистов от пруда. Именно в такие спокойные минуты Дмитрия и охватывали приступы бешенства, желание убивать. А вот когда собственная жизнь висела на волоске, он был спокоен. Странное дело...

За парком опять начинались улицы частных домов, и Живец решил не ходить туда. Так просто, без всякой видимой логики. Справа, за деревьями, вырисовывались силуэты далеких многоэтажек, к ним лейтенант и направился. Тропинки быстро кончились, под ногами оказалась сухая хвоя. В нескольких местах он даже заметил ржавые банки – явно заброшенное, нехоженое местечко.

Следовало бы пройти его скорее, а то горе-профессионалы решат ловить его здесь и, как назло, не ошибутся.

Он едва не прошел мимо сидящего на поваленном бревне человека. Наверное, виновата была его одежда: зеленая куртка и штаны, такая же шляпа. Странного фасона шляпа...

Живец пошарил вокруг глазами, надеясь увидеть корзину с парой грибочков, но ее не оказалось. Человек в шляпе сосредоточенно набивал трубку, лица его не было видно.

– Не пошли еще грибы? – Дмитрий отвел руку за спину, чувствуя ладонью рукоять ножа, послушно вывалившуюся из рукава. Слишком глухое место, этот обязательно запомнит прошедшего человека. А тело можно спрятать под листьями и хвоей, не наступишь – не заметишь. – Жарковато, наверное.

– Разве здесь есть грибы? – пожал плечами незнакомец и приподнял голову, на миг блеснув серыми глазами. – Не знал. А я вот покурить присел. Хочешь покурить?

– Никогда не курил трубку.

Это была не совсем правда: трубку Дмитрий когда-то попробовал курить, но, наверное, просто не умел этого делать. Она то и дело тухла, в горле становилось сухо... Тревожил Живца встреченный человек. Длинный какой-то, жилистый, такие могут оказаться неожиданно проворными. А еще что-то в нем было очень непонятное. Трубка длинная, с локоть, табак остро пахнет. Очень сильно захотелось курить.

– А ты попробуй, – добродушно предложил человек в шляпе. Голос у него был вроде бы мужским, но Живец вдруг задумался: а не женщина ли это? Под курткой и шляпой толком и не рассмотреть... – Вот только я раскурю, это дело особенное. Потом ты половину трубочки выкуришь, а остальное мне оставишь.

Дмитрий ничего не ответил. Он уже держал нож в руке, но никак не мог решиться. Хваленое чутье вело себя как взбесившийся компас. Что-то не так... Словно зачарованный, Живец смотрел, как незнакомец раскурил трубку длинной спичкой, которая то ли вспыхнула сама, то ли появилась из кармана уже горящей. Потянуло дымом, и желание курить побороло все.

– Я не знаю, как надо... – замялся Живец, протягивая руку. – Все время надо затягиваться? Или еще внутрь воздух пускать, да?..

– Ты просто кури.

И Дмитрий принял длинную трубку, втянул в себя сладковатый, но одновременно резкий аромат, осторожно вставил в рот мундштук. Негигиенично... Он сделал первую затяжку.

– Сядь, посиди, – посоветовал незнакомец. Ну конечно, это был мужчина. Просто очень странный, наверное приезжий. И лицо его никак не удавалось запомнить. – Ты давно не курил, и теперь голова может закружиться. У меня крепкий табачок, настоящий!

Послушно опустившись на бревно, Живец незаметно выронил за него нож. Успеет еще его подобрать. Если понадобится... Раздражение исчезло, курение расслабило все мускулы.

Когда деревья поплыли куда-то вбок, Дмитрий хотел было встать, вдохнуть чистого воздуха, бросить трубку, но не успел. Все изменилось, даже он сам. Живца не стало, а капитан Данилова открыла глаза, что-то хрипло промурлыкав.

Наташа проснулась не через четыре, а через шесть часов, оттого что ей стало жарко. Тело покрылось липким потом, и тонкое, легкое одеяло не могло впитать его весь. Несколько минут женщина еще медлила просыпаться, но наконец она раскрыла глаза и села, что-то хрипло промурлыкав. Потом Наташа вполне осмысленно попробовала выругаться, но сначала потребовалось прокашляться.

– Ептель, ептель... – задумчиво сказала она.

Снился какой-то кошмар, мертвые города, по которым бродила Наташа, пытаясь обязательно кого-то отыскать.

Этот «кто-то» никак не вспоминался, но люди в городах были... Какие-то неприятные, ненужные люди. И она играла с ними в странные, страшные игры.

– Ерунда, ептель! – решила Данилова, встала и, шатаясь, побрела в ванную.

Из гостиной доносился многоголосый перезвон. Разволновались сетевые приятели... Потерпят. В ванной выяснилось, что за ногу зацепилось одеяло, будто само стремилось

побыстрее попасть в стиральный бак. Постепенно приходя в себя, Наташа проделала необходимые гигиенические процедуры. В голову лезли мысли, образы, картины прошедшей ночи, но пока с этим удавалось бороться.

Присев под душем на корточки, Наташа схитрила: не загонять неприятное в подсознание, но копнуть глубже, попасть на те рельсы, которые приведут мысли к происшедшему вчера плавно, без потрясений. Москва, крысы... Еще раньше: почему Наташа пошла в полицию?

Чтобы не рожать. Она никогда не испытывала потребности в детях, да и все подруги тоже. Почему правительство принимает такие дурацкие законы? Но, конечно, пойти ради этого в полицию Наташа бы не решилась, не появившись в почтовом ящике приглашение. И оказалось, что один поступок может решить сразу все проблемы: чем себя занять, как, владея наскучившей еще во время учебы профессией океанолога, остаться в Москве, о чем говорить с приятелями.

Она вспомнила первую реакцию своей лучшей подруги (на тот момент) и фыркнула от смеха, едва не захлебнувшись.

– Да ты понимаешь, что это такое – убить человека?! – расширив от ужаса и без того круглые глаза, причитала Ленка. – Я уже не говорю о том, что тебя саму могут убить. Это же полиция, Наташа! Ты будешь ходить с оружием, женщинам даже домой его разрешают брать! Если бы у меня соседка была полицейской, я бы тут же переехала. Вчера на «Рубиконе» показывали про одну такую дамочку, как она за маньяком-сектантом охотилась, а вышло так, что...

Представление о московской полиции у Лены сложилось на основе сетевых сериалов. Осуждать ее за это глупо, ведь в жизни полицейских видишь только издали. Это сейчас их стало больше, на дорогах постоянно попадаются патрули, а в те спокойные годы...

– Старею! – Наташа выбралась из душевой, сунула голову под укладку. – Вот уже и про «те спокойные годы» завела...

Но годы и в самом деле были спокойными. Москва давно перестала расти, поглощая ближние города, население уменьшалось, но лет десять назад заговорили о стабилизации. В огромном мегаполисе стало тихо, столица неожиданно превратилась в провинцию. Множество туристов, чиновников, бесконечные информационные поводы – все это осталось на экранах, а за окнами жизнь потекла плавно, незаметно. Потому Наташе, выпускнице МГУ, и расхотелось покидать родной город.

Решение окрепло во время последних каникул, у родителей, давно откочевавших к Балтике. Мать всю жизнь мечтала иметь дом с садом и бассейном, неподалеку от моря и, как только обстоятельства позволили, заставила отца эту мечту исполнить.

– Ты у меня одна, здоровье не позволило сполна с государством рассчитаться, поэтому я всегда о тебе помню, – рассеянно бормотала мать во время прогулки вдоль берега. Дул сильный, промозглый ветер, а еще постоянно приходилось уворачиваться, чтобы не столкнуться сдвигающейся навстречу толпой, – только что закончилась одна из многочисленных регат. – Не оставайся в Москве, это глупо. Профессия у тебя подходящая, пусть даже и попадешь на север. Все равно пройдет несколько лет, и все переменится, окажешься на юге, может быть, выйдешь замуж. Представь: теплый океан, какая-нибудь Индия или Малайзия, работа на свежем воздухе...

– На юге жарко, мама. – Наташа и в самом деле представила себя там. Просоленную, потную, без конца глотающую пилюли, чтобы помочь кишечнику погубить местные микроорганизмы. – Я ведь была на практике. Ничего хорошего...

Ты знаешь, что в Индии по закону женщина может рожать только двух детей? А если еще чем-нибудь переболеешь... Говорят, там можно кое с кем поговорить, и в личном деле появится запись. Ну, ты еще поймешь, о чем я...

Мать ухмыльнулась, довольная собой, такой хитрой и опытной, а Наташа закатила глаза за ее спиной. Сидя здесь, в Эстонии, легко рассуждать о том, как просто купить индийских чиновников. Мир един, и всякое предложение рождает обвалный спрос. Не так все просто... «Ты еще поймешь, о чем я». Самодовольная клушка.

Отец к дочери не проявлял вообще никакого интереса, да и Наташа к нему не тянулась. Седой высокий мужчина, делящий время между Сетями, рыбалкой, скучными прогулками с требующей этого скучной женой и сочинением инструкций. Наташа пробовала посмотреть некоторые и убедилась в удивительной бедности фантазии автора. Человечки разбирают двигатель самолета, по семь раз повторяя каждое движение...

Вернувшись в Москву, Наташа дала себе слово больше не навещать родителей. Постепенно оборвалась переписка, возникла еще одна степень свободы. Но что с ней делать?.. Нельзя проводить время только в Сетях да бессмысленных шопингах с подругами, человеку нужно какое-то дело, чтобы не рехнуться и не стать чем-то вроде Наташиной матери. Мужчины, тогда еще только очень молодые, похожие друг на друга умеренной хамоватостью, большого разнообразия в жизнь не вносили. Одно время она даже подумывала выйти замуж, по крайней мере это было бы любопытным приключением. К счастью, увлечься всерьез никем не удалось, а потом в почтовом ящике оказалось приглашение.

Наташа сходила на Петровку, прослушала курс довольно нудных лекций, потом согласилась на ни к чему не обязывающую практику. Они негласно сопровождали туристов, это было не слишком интересно, но зато совершенно необременительно. Ребята подобались забавные, после дежурства бродили по дешевым кабачкам центра, много смеялись. Приблизилось время крайнего срока для первой беременности, и как-то само собой так вышло, что Наташа подписала заявление на прием в Школу.

Всего лишь два года, посвященные больше боевой подготовке и работе со спецсредствами. Остальному полицейский учится в процессе службы, через Сети, периодически проходя экзамен на новый «профранг». Наташа вот теперь, спустя десять лет, была капитаном в профранге майора, то есть имела запас продвижения на одно звание. Правда, учебу она в последнее время забросила...

Даниловой и в голову бы не пришло десять лет назад, что она дослужится до капитана. Однако бытие, безусловно, определяет сознание – поменялись друзья и привычки, взгляды на жизнь. Ей стал по-настоящему дорог этот город, дорог как что-то свое, личное. Для того чтобы относиться к Москве так, необходимо иметь в кармане карту полицейского, а в подплечной кобуре – семнадцатиразрядный «рокот», вопреки названию почти бесшумный. Наташа перестала быть рабочим муравьем огромного мегаполиса, она стала его стражником.

С крысами боролись всегда, Мартиросян ошибался. Конечно, прежде на них смотрели только как на источник инфекций, нелегальных наркотиков и морального разложения. Прежде крысы не убивали... Почти не убивали. Вечно грязные, ютящиеся на окраинах, в подземных коммуникациях или назначенных к сносу домах, они или убегали при виде полиции, или чаще сразу сдавались. Крыс отправляли в исправительные приемники, откуда многие, особенно цыгане, ухитрялись сразу удрать.

Таборные цыгане в те годы представляли самую серьезную угрозу. Они всегда могли найти временное убежище у кого-нибудь из легальных соплеменников, и, хотя таких людей сразу же ставили на учет, ловить цыган было очень сложно. Именно у них оказалась самая крепкая, древняя иерархия, именно они заставляли работать на себя обычных бомжей и за мзду помогали скрыться из города преступникам.

– Нельзя думать бранными словами, – поучительно сообщила своему отражению Наташа и покинула ванную. – Рано или поздно они окажутся на языке... Полицейскому в чине капитана непростительно говорить «бомж». Крысы, просто крысы, устоявшееся наименование асоциальных элементов.

Она уже надела свежее белье и проглотила пару таблеток, чтобы прояснить голову. Теперь можно позавтракать, а заодно ответить назойливым приятелям. Перезвон в гостиной стал еще громче. И почему людям вечно нечего делать!

Наташа упала в кресло, активировала большой экран, заливший светло-серым половину комнаты, быстро ответила нескольким подругам. Эти и в самом деле волновались – знали, что Данилова отправляется на ночную охоту. Их лица, счастливые до глупости, появлялись одно за другим и так же быстро исчезали – Наташа отделялась от них, ссылаясь на усталость.

Всех остальных она удостоила лишь письменных ответов. Потом, все потом, сейчас занята. Закончив, Наташа задержала руки над голографическими клавишами. Может быть, надо сделать какой-нибудь запрос, собрать информацию? Ничего не приходило в голову. Она встала, подошла к окну.

Жители Строгино, люди в основном пожилые, совершали водные процедуры у самого берега, уже справившиеся с этим обсыхали под солнцем. Хороший денек! В Пойме столько парусов, что рябит в глазах. Как они исхитряются не сталкиваться?.. Не успела подумать, как серфингист налетел на мини-яхту, оба спортсмена оказались в воде.

Наташа не глядя протянула руку, переключила окно на воспроизведение реалграммы. Когда-то дождливой длинной зимой вдруг очень захотелось солнца, купила по случаю вид эквадорского побережья. Летом в нем никакой нужды не было, но ведь трансляцию не отменишь. Проплачено еще за два года...

В Эквадоре народ был помоложе, двигался энергичнее. Длинная песчаная полоска пляжа, изображение которой камера исправно передавала в Москву, завалена телами, на мелководье играют в волейбол. Море чем дальше от берега, тем синее, а почти у горизонта плывет огромный белый корабль, наверное огромный. И все это выглядит не менее скучно, чем строгинская Пойма.

– Скушай что-нибудь, Наташенька, – приказала себе Данилова. – И никаких сигарет!

Перекусив наскоро и выпив апельсинового сока, Наташа побежала обратно в гостиную – тонко пищал экстренный вызов. Это оказалась Насырова – не дождалась весточки от подчиненной и позвонила сама.

– Жива-здоровая? – Рая кругленькая, живая, черноглазая. – Мы тут с Тофиком даже волнуемся немного. Выспалась?

– Так, – неопределенно пожала плечами Наташа.

– Прости, что потревожила. Я все понимаю, можешь сегодня не приходить. Отдыхай.

– Нет. Я приеду через час-полтора.

– Ну... – Раиса посмотрела в сторону. – Смотри сама. Если меня не будет, ищи Тофика.

Насырова не хотела становиться начальником отдела, но так уж легли карты. Инструкция о политкорректности имеет силу закона, и, хотя для мужчины вакансия была, Управление не устроила национальность Тофика. Придется подождать, сказали они, один азербайджанец сейчас уже занимает высокий пост в Управлении. Компьютер, покопавшись в базе, счел наилучшим для общественного равновесия назначить Насырову, женщину с татарскими корнями и подходящим профрангом для повышения в звании.

Тофик, плотный, седобровый, с будто из дерева выточенным красным лицом, конечно спорить не стал. Законы есть законы, где же, как не в полиции, их прежде всего соблюдать? Тем более что Раиса оказалась женщиной толковой и с удовольствием оперлась на опыт бывалого сотрудника. Так они и командовали вдвоем, два подполковника.

– Хорошо, – кивнула Данилова.

Рая опять посмотрела в сторону, но Тофик, видимо, отмахнулся. Что ж, если он пока не хочет говорить, но идет к себе, то это многое обещает. Окошко с лицом начальника исчезло, Наташа включила музыку, зажмурилась. Пора, пора вспомнить все.

Крысы активизировались года два назад, тогда появились первые трупы. Сначала преступления по привычке описывали на полоумных сектантов и наркоманов, но количество нераскрытых дел стремительно возрастало. В тех случаях, когда удавалось отыскать похищенные вещи, подозреваемые клялись, что взяли их уже с мертвых.

Четвертый Особый отдел, который первый стал восстанавливать полную картину происходящего, очень скоро взвыл. Несмотря на то что речь явно шла о какой-то секте, убивавшей первых встречных самым жестоким образом и без видимых причин, найти каких-либо следов организации не удалось.

Так не бывает. Члены секты должны переговариваться.

Через пиратские Сети, негласно существующие как раз для того, чтобы неопытные преступники чувствовали себя там в безопасности. Они должны иметь четкую иерархию, вожака, от которого и расходятся в стороны волны бесчинств. Наконец, они обязаны вербовать новых адептов, а для этого – нести окружающим свое учение. В Четвертом отделе работали опытные, выдавшие виды специалисты. Нет, сказали они, такая крупная секта не может существовать незамеченной, мы проверили всех.

Наташу, как самую молодую в отделе Безопасности на вокзалах, где она тогда работала, выслеживая гипотетических террористов, отправили на общее совещание. Такие слеты проводились раз в год, якобы для обмена опытом. Длинный день в зале на Петровке, скучные речи выступающих, зато потом – банкет с множеством мелких, но приятных нарушений законности. Однако в тот раз банкета не случилось.

Говорили только о серии немотивированных убийств, там Наташа первый раз о них и услышала. Сменяя друг друга, на трибуну поднимались представители Управления, нападавшие на Патруль, те кивали на Четвертый отдел, который отражал удар опять же в сторону Управления и его аналитиков. Наташа даже помнила перебранку, возникшую между полковником на трибуне и кем-то в зале.

– Так что же, если это новая, непривычная секта, так и работать с ней не надо?!

– Прежде чем по ним работать, надо попать, с кем мы имеем дело! – кричал раскрасневшийся начальник Четвертого. – Я приказы выполняю, посоветуйте: кого мне искать? Весь город неделю на прослушке, и ни одного сообщения по теме!

– Идите в коммуникации, вербуйте крыс!

– У меня нет для этого кадров!

Эту фразу Наташа вспомнила через месяц, когда ей поступило предложение стать оперативником нового, Седьмого Особого отдела с повышением в звании. Тогда Седьмым руководил Онищенко, вечно хмурый, неразговорчивый полковник. Поговаривали, что его назначение – уловка в карьерной игре, лучший способ погубить. Так и вышло, но не сразу.

Сначала Онищенко развил бурную деятельность. В совместных с Патрулем операциях его сотрудники методично прочесывали все места возможного обитания крыс, помойки, опустевшие дома, сдавали каждый день в приемники по несколько десятков. Андрей Коваль тогда говорил, что и в приемниках режим ужесточили, что цыгане перестали возвращаться. Прежде Наташа не придавала этому никакого значения, но теперь... Значит, власти обеспокоились всерьез?

Так оно, конечно же, и было. На московскую полицию посыпались льготы, сразу заполнились все штатные должности, появились специалисты и из других городов. В городских новостях о новой проблеме ничего не сообщалось, шли лишь короткие, лишенные кровавых подробностей репортажи. Наташа никогда не следила за новостными передачами. Может быть, полистать сейчас?..

Вместо этого она пошла и отыскивала сигареты. В пачке оставалось еще четыре штуки. Закурила почему-то перед зеркалом, осуждающе глядя на себя. Надо ехать, но ехать не хочется... Сегодня первый из двух положенных после ночной операции выходных. Наташа

планировала провести его дома, а вечером отправиться на берег, в открытое кафе, выпить пива, глядя на танцующих.

Она вышла на лоджию, пряча в кулаке сигарету. Лоджии приравняются к общественным местам, курить здесь запрещено. Онищенко... Его сняли как раз после того случая, после первой гибели оперативников Седьмого Особого отдела, получившего уже прозвище Крысятник. Конечно же, полковник был ни в чем не виноват, разве только в том, что начал эти ночные охоты.

Переодетые в граждан «группы риска», оперативники колесили по городу, от заключенного в МКАД центра до самых окраин, нарочно подставляясь под нападение. И на них нападали – московская и заезжая шпана, накачавшаяся спиртным, несколько раз даже самые настоящие грабители. Группы поддержки аккуратно задерживали их, а также всех остальных: цыган, предлагавших купить наркотики, попрошаек, мелких воришек. Почти каждая охота была удачной, вот только убийства продолжались.

Что об этом думал Онищенко, как рассчитывал напасть на след тех самых, вконец озверевших крыс? Наташа этого не знала, да никогда и не интересовалась. Платили более чем прилично, стаж бежал быстро, даже служебным положением порой удавалось воспользоваться – например, присвоить нелегально ввезенное спиртное. Она полагала, что крысы приходят в огромный мегаполис извне, привлеченные богатыми помойками и множеством укромных мест. Население понемногу падало, от былых сорока пяти миллионов осталось лишь тридцать, коммунальные службы не успевали следить за своим хозяйством. Неспроста ведь мэрия взялась за строительство Кордона вокруг города.

Крысы. Из пренебрежительного это слово очень скоро стало угрожающим. Убийства продолжались... Наташа со злостью швырнула сигарету вниз. Почему она даже не знает, сколько их? Да, простой оперативник даже в чине капитана не должен обладать этой информацией, но ведь Данилова никогда и не пыталась узнать. Почему?

Потому что так удобнее. Сети, магазины, подруги, мужчины, опять Сети, а в промежутках – служба. В меру интересная, с приятными людьми. Чувство выполненного долга каждый раз, как возвращаешься домой. Что еще нужно?

А ведь было кое-что еще. Год назад погибли Шанга и Игорь, а один из запоздало кинувшейся на помощь группы поддержки получил в живот железный болт, выпущенный из какого-то примитивного арбалета. Какой шум тогда поднялся! Только Онищенко и помалкивал, понимая уже, что его дни как начальника сочтены. Больше всех ораторствовал Тофик, призывал отомстить, не смыкать глаз, пока не будут найдены все до единого...

Седьмой отдел оскалил зубы. В свободное время сотрудники все равно приходили на службу, и даже мужчинам под какими-то сомнительными предлогами стали выдавать оружие. Тогда Наташа впервые в жизни налазилась по коллекторам, а Тофик привлек диггеров, о которых она до этого понятия не имела. Помогал Патруль, да и другие отделы из числа особых тоже.

Онищенко уже не было, обязанности начальника выполнял Тофик Таги-заде. Он почти не спал, от него постоянно несло кофе и сигаретами. Облава за облавой, и в Башенке, здании на Ленинградском проспекте, воняло теперь хуже, чем в коллекторе, – Тофик лично допрашивал задержанных. И снова, снова рисовал па картах схемы, формировал группы.

Так продолжалось несколько недель, и Наташе это порядком надоело. Как можно столько времени, такими силами безрезультатно гоняться за кучкой отщепенцев с арбалетами? Про Тофика начали рассказывать анекдоты, а выпученные глаза Шанги Ким, которой на шею намотали ее собственные кишки, постепенно стерлись из памяти. Подполковник тогда еще бурчал, что Управление ему не помогает, а мешает, ограничивает зоны поиска. Однако маховик раскрутить удалось, и настал день, когда Седьмой отдел ворвался в самый настоящий подземный бункер.

Его не было ни на одной карте. Тофик отыскал логово цыганского барона, одного из не смирившихся, «таборных», анализируя показания насмерть запуганных бомжей и наркоманов. Когда соорудили это убежище, как сумели укрепить его стены, Наташа не знала. Произойшла довольно ожесточенная перестрелка, в ходе которой все цыгане оказались убиты.

Вечером был большой банкет, все смеялись, много пили, выгнали из ресторана какую-то хмурую компанию, а явившимся патрульным показали свои карточки и чуть не заставили выпить. Вот и все. Седьмой отдел отомстил, никаких сомнений в этом не было – кроме огнестрельного оружия в таборе нашли и пару арбалетов. Только Тофик был мрачен.

Он и после этого призывал не ослаблять нажима, вычистить все до конца... Но Управление устроило Таги-заде выволочку за большой процент раненых и травмированных, к тому же конца у московских подземелий просто нет, слишком многие любили схорониться поглубже за тысячу лет.

Кроме того, люди просто устали. Незаметно все вернулось на круги своя, но Тофик получил подполковника.

Убийства продолжались... Наташа знала об этом, но просто привыкла. Как и все. В тридцатимиллионном городе убийства случаются каждый день, и лишь малая часть их находилась в ведении Седьмого. Между тем ночные охоты продолжались, хотя улов становился все более бедным. Крыс стало меньше, очевидно меньше, помог и Кордон. Еще несколько лет спокойной, размеренной работы, и их просто не станет...

Уже – собираясь выходить, Наташа вспомнила о нечищеном «рокоте» под кроватью, а доставая его, наткнулась на бокалы. Что ж, теперь пусть полежат до вечера... В мешковатом комбинезоне спрятанная на животе кобура не бросается в глаза, уставшим от сабо ногам уютно в разбитых кроссовках. Последний раз посмотрев в зеркало, Наташа покинула квартиру.

У лифта сидел Артем, сосед. Он тяжело расплзся по креслу стопятидесятикилограммовой тушей, уронил голову на жирную грудь. Дым еще висел в воздухе сизой пеленой.

– Ты уже совсем обнаглел? – прошла мимо него Наташа. – Днем куришь?

– Пьяный я, – печально сообщил Артем.

– С утра?

– С вечера... Скучно мне, Наташка. Посади меня в тюрьму.

– Опять женщина бросила? Вот я тебя оштрафую раз-другой – и тогда тебе действительно станет весело. Пойдешь работу искать, чтобы долги выплатить.

– Женщина бросила, – подтвердил сосед. – Но на это мне наплевать. В Сетях много неуравновешенных самок, готовых скрасить даже мое одиночество... На какое-то время, конечно, пока не очухаются... Только знаешь, уже не помогает.

– Займись чем-нибудь, – пожал плечами Данилова, вызывая лифт. – Иди работать.

– Я не хочу, – тяжело вздохнул Артем. – Все дело в том, что мне неприятны люди. Никого не хочу видеть, теперь уже и на экране. Все люди – тупые ублюдки, Наташа.

– Не выражайся! – Она вошла в кабину и уже оттуда прикрикнула: – И не смей курить днем! Оштрафую!

– Давай штрафуй! – бесстрашно ответил Артем закрывшейся двери лифта и вытащил из пачки новую сигарету. – Штрафуй, дура... Только быстрее.

Консьержа на этот раз не было, отсыпался после дежурства. Его, как и следовало ожидать, с успехом заменял робот, отворивший Наташе дверь. Снаружи пахло жаром, запахом раскаленного асфальта, скошенной травы.

Машину сегодня брать не хотелось, Данилова направилась не к стоянке, но мимо домов, к остановке мини-метро. Людей почти не было, все попрятались от жары. У школы ей попался навстречу странный человек, весь какой-то вытянутый, зеленый... Но в памяти осталась только широкополая шляпа с нелепым цветком.

Дорога заняла минут сорок, только потому, что Наташа поленилась давиться в вагоне Экспресса и добралась на мини-метро, с пересадками, погруженная в свои невеселые размышления. Мэрия выделила под Седьмой отдел целый дом на Ленинградском проспекте, высокий – из тех, что модно было строить в тридцатых. В этом не стоило искать проявления щедрости – Москва постепенно пустела. Прежние владельцы, какая-то корпорация, после очередных сокращений предпочли просто спихнуть лишнее, требующее капитального ремонта здание на баланс города, да еще наверняка на этом нагрели руки.

«Как хорошо, – подумала Наташа. – Конец тесноте. С каждым годом в Москве все спокойнее, только дураки сейчас уезжают из мегаполисов. Парки становятся чище...»

И безлюднее. Крысы – не бомжи, а именно крысы, другого термина для обозначения этих убийц не существует – ушли через парк. Просочились сквозь строй снайперов, оснащенных ПНВ. С каждым шагом, приближавшим ее к Башенке, Наташа будто становилась выше.

Найти их, отомстить, чтобы не вышло как в тот раз. Возможно, под городом таятся еще сотни не известных никому убежищ, но сейчас надо найти только одно. И пусть другие будут кричать «Отомстим!», она уже знает цену этим словам. Для тех, кто не видел, как откинулась назад голова Андрея, как торчал из разреза язык Мананы, все это остается игрой.

Прижав к глазку детектора специальное отверстие в личной карте, Наташа профессионально быстро взглянула в него, позволив идентифицировать сетчатку. Двери открылись, и в холле к ней тут же потянулись руки, слышались сочувствующие восклицания. Наташа оказалась среди хорошо знакомых лиц, на каждом нарисована мрачная решимость. Почему-то стало противно.

Кое-как отделившись от коллег, она поднялась на третий этаж, к медикам. Пал Палыч уже вышел навстречу – наверное, с утра скинул в Центральный компьютер запрос на прикрытие Даниловой. Она подумала, что и Тофик наверняка воспользовался ЦК, значит, докладывать нужды нет – сам сможет узнать обо всех передвижениях Наташи.

– Ну что? – Пал Палыч, главный врач Седьмого Особого, недавно сделал подтяжку. Перестарался для своих восьмидесяти, слишком уж молодо теперь выглядела шея. – Рука болит? – Он перехватил взгляд Наташи и смущенно потер кадык. – Заметно, да? Мне сказали, что эффект долго не продержится, уже через полгода все войдет в норму. Лицо, шея, руки – это, видишь ли, ансамбль. Тут нужны тонкость и время, время! Вот через полгода, как мне приятель сказал, все будет хорошо, все устаканится. А ты... Как, ты сказала, рука? Болит?

– Нет. – Наташа первой вошла в кабинет, сбросила с плеч лямки комбинезона. – Рана неглубокая, и уже столько часов прошло... Думаю, все в порядке.

– Думать буду я! – Пал Палыч надел перчатки, терпеливо подождал, пока Наташа засучит рукав, потом принялся отмачивать повязку. – Ведь не только кожа, Наташенька, не только мышца, еще и нервы повреждены... Да, а как же! Ты и не почувствуешь, а для меня это – недоработка. Лучше бы прооперироваться.

– Потом как-нибудь. – Наташа и раны-то почти не видела, осталась только зигзагообразная красная полоса на трицепсе.

– Потом... – Медик осуждающе покачал головой, осторожно пальпируя плечо. – Вот доживешь до моих лет, тогда поймешь, что никакого «потом» не существует... Я бы на твоём месте прооперировался. Чтобы шрама не было – я позабочусь, но чувствительность кожи будет потеряна.

– У меня тут эрогенных зон нет. Потерплю.

– Странная ты сегодня! – Пал Палыч поднял лицо, всмотрелся в Наташины глаза. – А, понимаю, понимаю! Это шок, милая. Конечно, на твоих глазах двоих подчиненных... Я видел тела. Ужасно, ужасно!

– Это ведь «сицилийский галстук»? – вспомнила Данилова. – Вы-то должны знать, Пал Палыч!

– У сержанта Чачава? – уточнил врач, наклеивая пластырь, подобранный из альбома под цвет кожи Наташи. – Да, именно так. А вы разве это тоже проходили? Штука редкая, очень уж пачкает руки. Но крысам все равно... Только слово «галстук» им вряд ли известно.

Наташа оделась, но не ушла, а остановилась около двери. Медик навел порядок на столе, выбросил старые бинты, потом вопросительно посмотрел на посетительницу.

– Пал Палыч, а что говорят ваши эксперты? Про... характер повреждений. Я знаю, кто-то из снайперов ранен. Это болты из арбалета, верно?

– Болтом из арбалета убит один из группы захвата, среди снайперов двое раненых, – сообщил Пал Палыч. – Ты бы, Наташа, общий отчет почитала, он с утра на нашем сайте висит. Ты ведь капитан, оперативник, у тебя широкий допуск.

– Недостаточно широкий. Я хотела бы знать, не те ли это твари, что год назад убили Егорова и Ким.

– Дело закрыто, – напомнил врач, потом опустился на крутящийся табурет, в задумчивости потер молодую шею. – Все это так ужасно и прискорбно... Но дело Егорова и Ким закрыто. Арбалет может соорудить любой мальчишка, болтов у нас, к сожалению, хватает. Хоть строительные бери, хоть арматуру руби... Вы, капитан, говорите на эти темы со своим руководством. Потребуется мое мнение, я представлю.

Раз Пал Палыч перешел на «вы», то разговор окончен. Наташа коротко поклонилась и вышла. Насырова и Тофик Таги-заде занимали на двоих последний, пятьдесят второй этаж, самый маленький, хотя даже нижние не баловали простором. Выйдя из лифта, Данилова, как всегда, полюбовалась на панораму. Хороший денек.

– Наташенька! Садись! – прямо-таки взывала Насырова. Она говорила с кем-то невидимым от дверей, причем говорила через «индивидуалку», прижимая клипсу к гортани. – Налей себе сока, водички, чего хочешь! А я вот с Михаилом Борисовичем говорю, прости.

Раиса глазами показала на Тофика, расположившегося в углу. Подполковник повернул к Наташе свое красное, вечно будто обветренное лицо, без улыбки поманил:

– Садись здесь и говори тихо, а то Пименов услышит.

– Сношает? – догадалась Данилова.

– Еще как. Уже минут двадцать не слезает с Райки, она только попискивает... Как себя чувствуешь?

– Хорошо. Я хочу найти их, Тофик Тимурович.

– Мы все хотим. – Подполковник грозно свел густые белые брови. – И мы найдем, эти шакалы не спрячутся.

– Крысы, – поправила его Наташа. – Нет, я лично, сама хочу их найти, понимаете? Я должна. Расскажите мне все, Тофик Тимурович, пожалуйста. Я ведь оперативник, аналитики не знаю.

– Потому что не положено, – для начала уточнил Таги-заде, но посмотрел благосклонно. – Верно понимаешь, только не ты одна обязана. Я вот тоже обязан. Ладно... Слушай. Крыс было одиннадцать, это точно, посчитали по следам. Одного застрелил Андрей Коваль, двоих положили снайперы. Остальные... Не перебивай! Снайперы не видели крыс, били вслепую, в панике. На записи ПНВ крысы есть, а ребята клянутся, что не видели. Что же они, врут? Сговорились с крысами?

Наташе пришлось покачать головой. Такого, конечно же, быть не могло.

– То-то же. К тому же половина ПНВ вообще отказала. И запомни: в общем отчете этого нет. И даже снайперам не сказали, что на записи цели видны. Не нужно объяснять, почему им не сказали? Тогда продолжаю. Крысы, восемь тварей, все мужчины, на вид от пятнадцати до тридцати пяти лет, оторвались от наблюдения в парке.

– От пятнадцати? – не поняла Наташа.

– От пятнадцати, – повторил Тофик. – Да хоть бы им всем по пять лет было: что это меняет, Данилова? Те, кто режет нашим товарищам горло, – уже не крысята, а крысы. Так вот, ночью ввели план «Капкан». Им некуда было деваться, совсем некуда. Я лично настоял, чтобы «Капкан» проиграли трижды. Подняли людей, стянули части с других районов в центр.

– И никого не взяли, – уточнила Наташа с каким-то мрачным удовлетворением.

– Первая линия отработала к десяти утра. Задержали человек пятьдесят, всякую мразь. Но наших – нет. Вторая линия закончила к двенадцати с минутами, и у них, как ты понимаешь, никого. – Тофик протянул руку к бару и один за другим наполнил соком два стаканчика. – Пей, не бледней! Третья линия закончит вот-вот, и я уверен – безрезультатно. Тройной фильтр, Данилова. Битцевский парк таким чистым не был еще никогда! Я сам там был с первой линией, под каждый кустик заглядывал. Есть землянки чьи-то, кострища... Но ничего интересного для нас. Ничего.

– Куда же они делись? Прошли сквозь ваши линии, как через снайперов?

– Не могли пройти, уже светало! Тут где-то была карта... – Тофик беспомощно оглянулся, потом привстал и с кряхтением вытянул из-под себя скомканное пластиковое полотно. – Смотри, Данилова. Вот вы где были, а вот парк. Ночь. Предположим, что крысы могли успеть выбежать из парка. Но «Капкан» мы раскинули с расчетом на это, шире! Вот так!

Такой же обветренный, как и лицо, палец Тофика нарисовал на карте широкую петлю. Она горела зеленым, постепенно тускнея, и Наташа успела пройти глазами ее всю. Никак не могли крысы суметь вырваться, даже если бы были сплошь чемпионами по бегу.

– Транспорт?

Исключено, они могли оставить его только с краю, лесопарк специально засажен густо. Но видеонаблюдение за перекрестками было активировано сразу, еще до того, как пошла команда на «Капкан»! Было там около десятка машин, и всех задержали спустя несколько минут. Больше никто не проезжал, ни мотоциклистов, ни велосипедистов – никого. Ну а за воздухом мы круглосуточно над всем городом следим, это ты знаешь.

– Могли успеть добраться до домов, – предположила Наташа. – На тех же велосипедах.

– Уже все проверено. – Тофик залпом выхлестал свой сок, смял стаканчик. – Вот за это в том числе Пименов сейчас сношает Раису. Переполошили ночью людей, даже в новости кое-что попало. Кстати, если ты теперь подумала о люках, старом метро и прочем, то правильно подумала. Другого способа уйти у них не было... Но что мы могли сделать? Всего не предусмотреть, особенно когда над оперативниками висит такая группа прикрытия...

– Вертолеты, – вспомнила Наташа.

– Потеряли их ночью в лесу, под кронами. Точнее сказать, вообще не видели. Сейчас эксперты смотрят все входы в подземные коммуникации... Смотрят по второму разу.

– Почему?

– Я приказал! – Несмотря на красное лицо, Тофик исхитрился побагроветь. – Первое заключение: никто ничего не трогал минимум неделю. Но этого быть не может!

Мысленно Наташа с ним не согласилась. Все может быть... Когда снайперы не видят целей, дальше быть может все. Правда, это уже совершенная мистика, и Тофик прав, что не позволяет себе думать в этом направлении.

– Эксперты, – вспомнила Наташа. – Расскажите мне, пожалуйста, про их заключения. Я имею в виду тот, прошлогодний случай...

– Не имею права. – Тофик посмотрел на Насырову, увлеченно кивающую в экран, начальству. – Вот, – подполковник достал из нагрудного кармана сложенный вчетверо листок бумаги, – вот и все.

Наташа осторожно развернула лист. Длинная строчка цифр и букв, аккуратно написанная кем-то от руки, а еще адрес в служебной Сети. Пароль! Она подняла глаза на Тофика, повела бровями. Он раздраженно передразнил ее:

– Ты же сама сказала: я, Данилова, лично должна ребятам найти их убийц! Говорила?

– Да.

– А я сказал, что тоже должен. Сказал?

– Сказали.

– Вот и все, – удовлетворенно подвел итог Тофик и налил себе еще сока. – Что делать – сообразишь, не просто так я тебя до капитана довел.

– А что потом? – Наташа встала.

– Потом вылетим оба со службы скорее всего, – проворчал едва слышно Таги-заде. – Приезжай вечером ко мне. Дорогу не забыла?

Данилова вышла в коридор, комкая в руке листок бумаги. Вот и настала пора доказать, на что она готова. Войти по этому паролю, считать хранящуюся на сайте секретную информацию означает нарушить закон. Серьезно нарушить. Вылетом со службы дело не ограничится – ни один адвокат не возьмется доказать суду, что капитан полиции не ведала, что творит. А уж на сколько лет попадет в исправительные учреждения Тофик, Наташе не хотелось даже думать.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ ЧУЖАЯ ЖИЗНЬ

Очнувшись, Живец долго сидел на бревне, щурясь от жаркого заходящего солнца. Понимание того, что он вовсе не капитан Данилова из Седьмого Особого отдела, возвращалось медленно, даже как-то неохотно. Наконец Дмитрий потряс головой, огляделся. Незнакомца, как и следовало ожидать, рядом не оказалось.

– Сволочь... – протянул Живец и потянулся. – Вот же какая сволочь зеленая...

Потом он вскочил, ощупал карманы. Ничего не пропало, даже нож по-прежнему лежал за бревном. Что же ему было нужно?

– Если меня и изнасиловали, то каким-то особенно нежным, извращенным способом, – сделал вывод Дмитрий, прислушавшись к своим ощущениям. – Вот сволочь! Хотя скорее всего увидел «галкина» и испугался...

Все еще позевывая, Живец зашагал дальше, на восток. Всю дорогу до многоэтажного квартала он чувствовал какой-то дискомфорт. Руки били по бедрам, ботинки загребали хвою... Можно было это списать на кратковременное поражение нервных центров, но Дмитрий понимал, что все куда сложнее.

Он успел привыкнуть быть женщиной, капитаном Даниловой. Он помнил ее тело и, хотя не находил его особенно привлекательным, скучал по нему. А еще у Живца из головы не шло разрезанное горло сержанта Чачавы.

– Бред, – негромко сказал он себе. – Таги-заде наплел мне о Даниловой, и вот, под неизвестной мне травкой тема отыгралась в галлюцинациях. Когда он успел назвать мне ее имя? Не понимаю...

В этом тоже не было ничего странного: после такого «сеанса» люди иногда не помнят, как их зовут. Живец приказал себе больше не думать о происшедшем, сосредоточившись на оживлении своего чутья. Ведь не выручило, не подсказало пройти мимо! А незнакомец в зеленом сейчас, вполне возможно, звонит в полицию, сообщает о вооруженном человеке в парке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.